

SVET 7118

СВЕТ

Мошиаха

ב"ה

1

КИСЛЕВ 5767

ДЕКАБРЬ 2006

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ЛОБАВИЧСКИЙ РЕБЕ
КОРОЛЬ МОШАХ!

Главный редактор:
 раввин МОШЕ-ХАИМ ЛЕВИН
Редактор: раввин НАФТОЛИ ЭСТУЛИН
Литературный редактор: ЭЛИ ЭЛКИН
Корректор: СОФИЯ АРЛОЗОРОВ
Дизайн и графика: ХАЯ-ЗОЯ ЯНКОВСКАЯ
Администратор: ЙЕГУДИС ЭЛКИНА

Адрес издательства «СВЕТ МОШИАХА»

Нью-Йорк
 SVET Moshiach
 605 Ocean Parkway, Brooklyn, NY 11218
 Тел.: 718-854-0006
 Факс: 718-871-6955
 E-mail: svet@moshiach.com

Лос-Анджелес
 Chabad Russian Immigrant
 Program and Synagogue
 7636 S. Monica Blvd., Los Angeles, CA 90046
 Тел.: (323) 848-2999

Executive Director – Rabbi Naftoli Estulin

Израиль
 Qiryat-Malakhi
 Chabad, 144/21
 70900
 Тел. 972-8-850-1627
 E-mail: eli_elkin@yahoo.com

Печатается в Израиле
 © «Свет Мошиаха»
 Использование материалов
 и их перепечатка
 только с разрешения издательства

ZNIZN-LIFE (ISSN #1060-4278)
 is published by the Chabad Russian
 Immigrant Program and Synagogue,
 7636 S. Monica Blvd., Los Angeles, CA 90046
regular subscription price is \$36 per year,
senior citizens: \$18 per year.

Periodicals postage paid at Los Angeles,
 California and additional entry point.
 POSTMASTER send address change to ZHIZN-Life
 7636 S. Monica Blvd., Los Angeles, CA 90046
 Phone (323) 848 2999

На обложке:

раввин Шолом-Бер Горелик зажигает
 ханукальный светильник

СОДЕРЖАНИЕ

С редакторского стола ДА БУДЕТ СВЕТ!	3
Летопись ХАБАДа О СВЕТИЛАХ И КРОКОДИЛАХ Эстер Сегаль	4
Послannики НЬЮ-ЙОРК НЕ ХУЖЕ ПРЕТОРИИ Элиягу Таугер	6
Четыре локтя Закона ЗАКОНЫ ХАЛУКИ	8
Фарбрeнгeн «ОДНАЖДЫ В СТУДЕНУЮ, ЗИМНЮЮ ПОРУ...» Ш.Соминский	9
Дорога в Любавичи ФИЛЛИН ВЕЛИКОГО МАГИДА Эли Элкин	10
Слова, идущие из сердца ДЕПРЕССИЯ – НЕ ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО Из писем Ребе	14
Пересечение ПРЕОБРАЖЕНИЕ «МАРСЕЛЬЕЗЫ» Шай Гефен	15
Читальный зал ВОЛЧОНОК ИТРО Эли Люксембург	18
Ветви хасидской Меноры УЧИТЕЛЬ РЕБЕ Из записок рабби Й.- Й. Шнеерсона	22
Жизнь с Ребе СОЛО ДЛЯ ДУШИ ДИРИЖЕРА Мордехай Стейнман	24
А мы смеемся!.. ХАЛУКИАДА Г. Омер	27
Любопытно, однако!.. В МИРЕ ЖИВОТНЫХ	28

	3 КИСЛЕВА (24 ноября)		10 КИСЛЕВА (1 декабря)		17 КИСЛЕВА (8 декабря)		24 КИСЛЕВА (15 декабря)	
	Зажиг. свеч.	Исх. суб.	Зажиг. свеч.	Исх. суб.	Зажиг. свеч.	Исх. суб.	Зажиг. свеч.	Исх. суб.
ИЕРУСАЛИМ	15:57	17:15	15:55	17:14	15:55	17:15	15:57	17:17
ТЕЛЬ-АВИВ	16:20	17:16	16:18	17:16	16:18	17:16	16:20	16:18
ХАЙФА	16:17	17:14	16:16	17:14	16:16	17:14	16:17	17:16
ЭЙЛАТ	16:24	17:20	16:23	17:19	16:23	17:20	16:25	17:22
НЬЮ-ЙОРК	16:14	17:16	16:11	17:14	16:11	17:14	16:12	17:15
ЛОС-АНДЖЕЛЕС	16:27	17:29	16:27	17:29	16:26	17:28	16:27	17:29
ТОРОНТО	16:28	17:32	16:24	17:29	16:23	17:28	16:23	17:29
МОСКВА	15:53	17:13	15:45	17:07	15:40	17:04	15:38	17:04

После зажигания свечей произносятся:

**БОРУХ АТО А-ДЭЙ-НОЙ Э-ЛО-ХЭЙНУ МЭЛЭХ ХОЭЙЛОМ АШЕР КИДШОНУ БЭМИЦВЭЙСОВ ВЭЦИВОНУ
 ЛЕХАДЛИК НЭЙР ШЕЛ ШАББОС КЕЙДЭШ**

Да будем

Сейчас многое стало бывшим. Тем, кто помнит славные 80-е с их атмосферой радушия и кипучей деятельности, с ощущением непрерывного полета, немного грустно говорить о том, что есть сегодня. Но мы о грустном говорить не будем.

...Отгремела музыка московской Олимпиады, американцы запустили в космос первый «челнок», Израиль разбомбил иракский ядерный реактор, а Рональд Рейган, став 40-м президентом США, довел «холодную войну» со странами социалистического лагеря до победного конца. Ветер перемен оказался настолько мощным и пронизывающим, что его напора не выдержал даже «великий, могучий Советский Союз», развалившись подобно карточному домику.

Буквально накануне грандиозных перемен в Америку прибыла «третья волна» эмиграции. Среди них оказалось немало творческих людей – писателей, журналистов, филологов, литераторов. Каждому из них было, что сказать и рассказать. Но куда было податься мыслящему человеку. Единственным солидным представителем печатного дела русскоязычного нью-йоркского зарубежья в те эпохальные дни была газета «Новое русское слово», самая старая русская газета в мире. Она старалась справляться с запросами читателей, но не всегда ей это удавалось. Именно тогда и появился ее молодой и нахальный конкурент – «Новый американец» Сергея Довлатова, мгновенно завоевавший популярность. Газета отличалась острым словом, независимостью суждения, свободным полетом мысли. И все же...

И все же чего-то не хватало.

Подавляющая часть читателей были евреями. Им хотелось знать о вечных еврейских ценностях, о Торе, об истории нашего народа, о великих еврейских мудрецах. Необходим был источник подобного рода информации – живой, чистый и бескомпромиссный.

И вот в 1981 г. молодой любавичский раввин Моше-Хаим Левин получает прямое указание от Ребе – начать работу над журналом, который должен стать центральным русскоязычным печатным органом движения ХАБАД-Любавич. Так, в месяце Тишрей 5742 (октябрь 1981) г. появился ежемесячник «Свет». Название журналу дал Ребе.

Журнал оправдал свое название и предназначение. Он нес свет в еврейские дома, оживлял души и согревал сердца. Вопросы и темы, затронутые в нем, были самыми разнообразными. Эссе, очерки, репортажи, рассказы и даже научные статьи – всему хватало места. Множество творческих людей смогли выразить себя посредством журнала «Свет». Их таланты и способности оказались востребованы временем.

Журнал выходил на протяжении шести лет. Читатели полюбили «Свет», с нетерпением ожидая каждого следующего выпуска. В редакцию потоком шли письма. Работы хватало. Но, к сожалению, по причине финансового характера издание пришлось приостановить. Ребе дал согласие на этот вынужденный шаг, но само издательство велел не закрывать...

...Со дня выхода в свет первого номера журнала «Свет» прошло двадцать пять лет. Перерыв за-

тянулся. И вот сейчас, с Б-жьей помощью, журнал возрождается! Первый номер «Света Мошиаха», который читатель держит в руках, это продолжение журнала «Свет».

Но это – не просто продолжение начатого. Этот проект – подъем на новую ступень в святой работе, которую поручил нам Ребе. Нынешний журнал двигают три мощные силы: Нью-Йорк, Лос-Анжелос и Эрец-Исроэль. Нью-Йорк – это город Ребе, город, где «Свет» впервые увидел свет. В Лос-Анжелосе в свое время впервые – благодаря усилиям ХАБАДа в лице посланника Ребе раввина Нафтоли Эстулина – возникла и действует поныне одна из самых крупнейших русскоязычных еврейских общин. (Кроме того, там же, на протяжении уже более двадцати пяти лет выходит еженедельник «Жизнь» - «долгожитель» среди своих собратьев.) Эрец-Исроэль же не нуждается в эпитетах и дифирамбах. Это – Священная Земля, и журнал «Свет Мошиаха» будет выходить из печати именно здесь.

Надеемся, что свет этот ярко осветит каждый еврейский дом и согреет каждую еврейскую душу. И дай Б-г, чтоб перед ним отступила, наконец, тьма, открывая дорогу к настоящему и полному Освобождению, к Храму, в который придем мы, следуя за нашим Ребе, Королем Мошиахом!

Да будем всем!..

О СВЕТИЛАХ И КРОКОДИЛАХ

Эстер Сегаль

Когда Всевышний творил этот мир, то уже в первую неделю его существования был заложен великий принцип времяисчисления: «И был вечер, и было утро – день один». И весьма вероятно, что именно признание этого самого факта, являющегося, кстати, одной из основ умения мыслить «по-еврейски» («И все-то у вас, у евреев, не как у людей!») дает силы и тому, что у антисемитов называется «еврейской живучестью», а у нас «вечностью избранного народа».

Подумайте сами, человек, многолетней практикой приученный к осознанию, что в начале дня всегда властвует тьма, а в конце – свет, понимает также (ведь это совершенно естественно), что в начале должны быть падения, пробы и ошибки, и только потом – наслаждение от достигнутого результата, в начале – труд в поте лица, и только потом – праздник и беззаботность, в начале – страшная личина галута, и только потом, но зато уж обязательно – Освобождение и Мошиах. И если тьма затянута слишком надолго, и, блуждая в ней на ощупь, то и дело набишь шишки, и где-то там снаружи другие ликуют, а нам все хуже и хуже, и вообще непонятно, кончится ли все это, и если да, то когда, – мы не теряем надежды, мы вспоминаем вновь и вновь: «И был вечер, и было утро», и, значит, рассвет уже вот-вот, и обреченный мрак просто делает последние жалкие потуги нас запугать.

Месяц Кислев когда-то считался нерадостным и не очень благосклонным к евреям. И именно поэтому мудрецы догадывались (и видели на это намеки в Торе), что именно ему, несолнечному и мрачному, уготовано стать источником великого света. Их чаяния оправдались, когда произошло ханукальное чудо, и с тех пор ни одному еврейскому месяцу не дано перещеголять Кислев по количеству изо всех сил разгоняющих ночь пылающих фитильков, зажженных представителями мирового еврейства тут и там.

И, как еще не охваченный пламенем, холодный и потому кажущийся никчемным фитиль таит в себе потенциал самопожертвования ради торжества света и тепла, так и многое из того, что кажется нам, если не тьмой, то, по крайней мере, пустотой, на самом деле наполнено ярким добром, которое надо только вывести из сокрытия в явь.

Особенно это относится к месяцу Кислев, который со временем не ограничился единственным праздником Хануки, а расцвел еще целым рядом удивительных и радостных событий. И все они, лишь малой части из которых мы здесь коснемся, были изначально заложены в саму природу этого месяца, о котором известно, что он, несмотря на большую дистанцию в календаре, тем не менее, подобен жаркому и любимому евреями Сивану.

Попробуем проследить эту связь. В Нисане Всевышний завершил задуманный Им проект по созда-

нию мира, в Тишрее – окончил его воплощение из ничего с помощью Света Своей Мысли и Речения Своих Уст. В Сиване, третьем после Нисана, Б-г даровал своему народу Тору, в скрытом виде заключающую в себе все возможные комментарии, вплоть до самых возвышенных и тайных. В Кислеве, третьем после Тишрея, тайной Торе было разрешено, а значит, и заповедано, выйти из потенциала в реальность и осветить собою заждавшийся этого момента мир.

Это произошло 19 Кислева 5559 (1798) г., когда основоположник хасидизма ХАБАД рабби Шнеур-Залман (Алтер Ребе) был полностью оправдан от приведших его к аресту наветов ненавистников нового течения и освобожден из Петропавловской крепости, самой мрачной российской тюрьмы.

Этот символ русского тоталитаризма, подобно неизвестному в литературе крокодилу, проглотившему солнце, пытался погасить общественный пыл своего святого узника, а заодно и крепость его духа и разума. Ребе поместили в камеру без окон, чтобы, лишенный дневного света, он потерял счет времени, забыл о том, что снаружи, и научился определять границы мира стенами своей нехитрой каменной короби.

С другими обычно так и происходило, но Ребе, казалось, взял солнце с собою в камеру и пробыл там, ведя четкий счет секундам, ровно столько, сколько понадобилось его судьям и возможным палачам для того, чтобы склониться перед оказавшимся у них в плену светилом и отпустить его на волю.

Выход Ребе из мрачных застенков привел одновременно к выходу в свет из сокрытия основанного им хасидизма – самой тайной и глубокой части Торы, ранее заповедной, а отныне заповеданной в изучение каждому еврею.

Как понятно, это не могло случиться иначе, как в Кислеве, и по воле Всевышнего, совпало по времени с другим событием, ставшим звеном в той же самой цепи. За два года до ареста Ребе, 20 Кислева 5557 (1796) было осуществлено первое издание написанной им Тании – письменной Торы хасидизма. Это был первый звонок экспресса, тронувшегося от дальней платформы Ган-Эдена, чтобы привезти нам Мошиаха. Любавичский Ребе Король Мошиах объясняет, что издание Тании во всех местах, где обитают евреи, и на всех языках, на которых они говорят – это именно то, что заставляет Мошиаха придти немедленно.

Кстати, уместно добавить, что это условие уже осуществилось. А последним языком, подчинившимся «Тании», стала азбука Брайля, язык слепых, символизируя удивительное могущество света, дошедшего и до тех, кто казалось, был лишен всякой возможности его воспринять.

Что же касается русских тюрем, одной из которых так и не удалось удержаться в своем каменном чреве

облюбованную жертву, то и другие попробовали проделать подобный опыт, и благодаря этому мы имеем еще два праздника в месяце Кислев.

Один из них установлен в честь 27 Кислева 5561 (1800), когда Алтер Ребе, подвергнутый вторичному аресту в Петербурге (на этот раз основной сценической площадкой следствия стал Тайный Совет), был полностью оправдан и сумел при этом покорить своими грандиозными знаниями, а также личными качествами не только высокопоставленных (вплоть до министров) следователей, но и самого императора Павла. Причем, последний обещал новому движению и его вдохновителю свое царственное покровительство.

Да только и цари смертны, поэтому уже в следующем поколении сыну и продолжателю Алтер Ребе – Мителер Ребе, рабби Довберу – пришлось оказаться основным действующим лицом нового конфликта между ненасытной российской юстицией и хасидизмом ХАБАД.

Надо ли говорить, что его оправдание и освобождение пришлось на месяц Кислев (10 Кислева 5587 (1826))? А на последнем и решающем этапе следствия под руководством витебского губернатора произошло событие, знаменующее ту близкую к финалу стадию поединка тьмы и света, когда тьма и сама уже понимает, кто будет повержен и на чьей стороне правда.

Главный представитель обвинения, составивший донос на рабби Довбера, во время своей речи сам невольно, но естественно назвал обвиняемого «Ребе». «Вот видите, – сказал Ребе губернатору. – Он оклеветал меня, но при этом сам знает, кто я такой на самом деле», и немедленно после этого был отпущен с большим почетом.

И если уж главам ХАБАДА было уготовано Свыше вернуться к своим хасидам после суда именно в Кислеве, то не удивительно, что тоже самое выпало и на долю хасидских книг, когда после длительного судебного процесса они, незаконно похищенные уже в наше время, 2 Кислева 5748 (1987) вернулись на свое место в библиотеку Любавичского Ребе, в знаменитый нью-йоркский дом под номером 770.

Так, год за годом, столетие за столетием свет потихоньку, медленно, но верно захватывает новые территории у своей хмурой противницы. И все-таки последняя то и дело вновь скалит зубы и грозит, как тот самый крокодил из сказки: «Если только захочу, и луну я проглочу».

Тьма рядится в жлобоватых антисемитов и в высокоумных философов, в безжалостных террористов и в добросердечных миротворцев. Тьма приходит к нам то грубой лезть, то плевками в лицо. У нее много стандартных приемов, чтоб поубавить ясности в большом мире и в маленьком человеческом сердце. Иногда она является и под маской болезни.

Так случилось в 5738 (1977) году, во время праздника Шмини-Ацерет, когда Ребе вдруг стало плохо. Врачи запретили ему выходить из комнаты, а хасиды устали за дверью. Ждать, когда они снова смогут увидеть Ребе, потому что для них не видеть Ребе было все равно, что не видеть солнца.

И так как уже сложилось в истории, что именно в Кислеве нужно было очистить и осветить оскверненный Храм, разбить в суде нелепые сплетения лжи ненавистников хасидизма, вернуть попавшие в нечистые руки книги, то и заставить отступить болезнь, заключившую Ребе под домашний арест постельного режима, довелось именно этому месяцу, его самого первому, а потому и самому главному дню.

Ребе вернулся к хасидам, но его временное отдаление было только репетицией перед более длительной разлукой.

Ребе предупредил об этом заранее. Ребе напитал нас силой преодолеть новую и на этот раз уже последнюю агрессию тьмы. Ребе объяснил, что его предстоящее сокрытие от нас иллюзорно, и что тот, кто по-настоящему захочет и раскроет глаза, тот увидит со всей возможной отчетливостью, что это не Ребе ушел от нас, а мы заблудились по дороге к нему.

Но плакать и кликать Ребе нам не нужно. Он и так здесь. Чтобы увидеть, нужно только добавить немного света. Это зависит от нас самих, и если мы начнем действовать прямо сейчас, в Кислеве, то, безусловно, победа, а значит и Освобождение, будут полными.

ОСОБЫЕ ДАТЫ МЕСЯЦА КИСЛЕВ:

РОШ-ХОДЕШ КИСЛЕВ 5738 (1977) г. – впервые после перенесенного сердечного приступа несколько месяцев назад (в праздник Шмини-Ацерет) Любавичский Ребе Менахем-Мендел Шнеерсон покинул свой кабинет в «Северн Севети», где проходил курс лечения, и отправился домой.

2 КИСЛЕВА 5748 (1987) г. – согласно окончательному решению суда США книги и рукописи Любавичских Ребе возвращаются на свое законное место, в библиотеку «Агудат Хасидей ХАБАД».

5 КИСЛЕВА 5564 (1803) г. – свадьба Третьего Любавичского Ребе Менахем-Мендела (Ребе Цемах-Цедек) и ребецин Хау-Мушки, дочери Мителер Ребе.

9 КИСЛЕВА 5534 (1773) г. – день рождения Мителер Ребе, Второго Любавичского Ребе Дов-Бера.

10 КИСЛЕВА 5587 (1826) г. – день Освобождения Мителер Ребе из тюрьмы, куда он был заключен в результате доноса и ложного обвинения.

14 КИСЛЕВА 5689 (1928) г. – Великая Свадьба в Варшаве; день свадьбы Любавичского Ребе Короля Мошиаха и ребецин Хау-Мушки, дочери Предыдущего Любавичского Ребе Йосефа-Ицхака Шнеерсона.

19 КИСЛЕВА 5533 (1772) г. – йорцайт Межеричского Магида, рабби Довбера, преемника рабби Исроэля Баал-Шем-Това, основоположника хасидизма.

19 КИСЛЕВА 5559 (1798) г. – Новый год хасидизма. День Освобождения Алтер Ребе, Первого Ребе ХАБАДА, рабби Шнеур-Залмана из Ляд из Петропавловской крепости.

19 КИСЛЕВА 5559 (1798) г. – день рождения ребецин Менухи-Рохл Слоним, дочери Мителер Ребе.

20 КИСЛЕВА 5557 (1796) г. – впервые напечатана Тания, основополагающий труд учения хасидизма ХАБАД.

НЬЮ-ЙОРК

Элиягу Таугер

НЮ ЖУЖА
ПРЕТОРИИ

Рабби Шабтай Кац на протяжении долгих лет поддерживал связь с Любавичским Ребе. Помимо того, что он был главным раввином Претории, столицы Южно-Африканской Республики, он занимал нелегкую и ответственную должность официального раввина всей тюремной системы страны.

В декабре 1978 года он в очередной раз приехал к Ребе с визитом. Их встреча состоялась незадолго до Хануки. Задав рабби Кацу несколько общих вопросов, Ребе поинтересовался, как в южноафриканских тюрьмах проходит духовная работа с евреями-заключенными. Рабби Кац ответил, что условия в южноафриканских тюрьмах, конечно, намного тяжелее и суровее, чем в тюрьмах нью-йоркских, но, по крайней мере, еврейские заключенные освобождены от работ в Рош-Ашана, Йом-Кипур и Песах.

Ребе выслушал рабби Каца и спросил: "А что насчет Хануки?" - и объяснил, насколько важно для того, кто сидит в тюремной камере, зажигать ханукальные свечи. "Мы даже не можем себе представить, какое тепло это приносит, - сказал Ребе, - как это поднимает дух и вселяет надежду в сердца тех, кто находится во тьме..."

Рабби Кац внимательно выслушал Ребе и твердо пообещал, что сразу же, как только вернется домой, он займется этим вопросом, чтобы уже в следующем году еврейские заключенные обязательно смогли зажигать ханукальные светильники. "А как насчет ближайшей Хануки?" - спросил Ребе.

Рабби Кац растерялся. "Но до праздника осталось меньше двух дней! - развел он руками. - Здесь, в Нью-Йорке, я вряд ли смогу что-то сделать..." Ребе, не меняя тона, ответил, что после того, как рабби Кац выйдет из кабинета, он может воспользоваться телефоном в одной из комнат.

Посмотрев на часы, рабби Кац сказал, что в Претории сейчас четыре часа утра. Будить заведующего исправительной системой он просто не отважит-

ся. И снова его возражение не было принято. "Наоборот, - твердо ответил Ребе, - это произведет должное впечатление! Звонок в такой ранний час, из-за границы - явный признак того, что дело не терпит отлагательства!"

Рабби Кац вышел из кабинета Ребе со смешанными чувствами. Тут же к нему подошел один из секретарей. Он провел рабби Каца в небольшую боковую комнату, указал на несколько телефонных аппаратов и сказал, что рабби Кац может воспользоваться любым из них.

В первую очередь рабби Кац позвонил своему помощнику. Когда тот поднял трубку, рабби Кац попросил отыскать домашний телефон генерала Сефтона, главы Голландской реформистской церкви и заведующего исправительной системой страны, после чего велел, не откладывая, связаться с ним и предупредить, что сейчас ему будут звонить из-за границы. Словом,

когда рабби Кац через несколько минут позвонил генералу Сефтону, тот уже успел собраться с мыслями для делового разговора и вежливо поинтересовался, чем он может помочь.

Рабби Кац сразу же перешел к делу. Он рассказал генералу, что только что он беседовал с одним из духовных лидеров мирового еврейства, Любавичским Ребе, который выразил заботу о еврейских заключенных южноафриканских тюрем и объяснил, как важно для них зажечь ханукальные светильники именно в этом году, и какой свет, тепло и надежду принесет это их сердцам и душам.

Генерал Сефтон был глубоко тронут. Он заверил рабби Каца, что хотя его офис и закрыт на время рождественских праздников, утром он немедленно отправится туда и разошлет телекс по всем тюремным учреждениям страны. "Раз вы позвонили мне в такое время, из-за границы, - добавил генерал, - то, видимо, дело этого стоит..."

На следующее утро рабби Кац вошел в "Север Сефенти". Приближалось время утренней молитвы, и Ребе вот-вот должен был выйти из кабинета.

Дверь кабинета открылась. Ребе вышел и, увидев стоящего неподалеку рабби Каца, посмотрел на него вопросительным взглядом. Рабби Кац коротко рассказал о вчерашнем разговоре с генералом Сефтоном. Ребе улыбнулся. "Мне хотелось бы видеть вас у себя после молитвы", - сказал он.

После того, как молитва закончилась, рабби Кац, не мешкая, отправился к Ребе. Пригласив рабби Каца в кабинет, Ребе без долгих предисловий рассказал о том, что в Северной Америке - пятьдесят штатов, и в каждом из них еврейским заключенным разрешено во время Хануки зажигать праздничные свечи; вернее, почти в каждом. Ребе сделал паузу и сказал: "Вы не поверите, но именно здесь, в штате Нью-Йорк, еврейские заключенные до сих пор лишены этого права!..." Затем Ребе спросил, как рабби Кац смотрит на то, чтобы еврейские заключенные штата Нью-Йорк тоже зажгли в этом году ханукальные свечи. "Расскажите местному начальству о вашем ночном разговоре с генералом Сефтоном, - посоветовал Ребе. - Думаю, они сделают из этого правильный вывод..."

Рабби Кац растерянно ответил, что он, конечно, готов взяться за это дело, но даже не представляет, с какой стороны к нему подойти. "Найдите рабби Гехта, - ответил Ребе, - он уже довольно долго работает над этим проектом и наверняка знает, с кем в первую очередь нужно поговорить".

Когда рабби Кац нашел рабби Гехта и обратился к нему за помощью, тот удивленно посмотрел на рабби Каца и напомнил, что сегодня воскресенье, к тому же - 24 декабря. "Вряд ли вы найдете кого-нибудь на своем рабочем месте, - сказал рабби Гехт, - и уж, тем более, не найдете дома!" Тогда рабби Кац рассказал ему о разговоре с Ребе и о вчерашнем звонке в Преторию. "Ну, это меняет дело!" - воодушевился рабби Гехт. Он хорошо знал, что если Ребе просит кого-нибудь сделать что-либо прямо сейчас, результаты обычно превосходят всякие ожидания.

После нескольких телефонных звонков рабби Гехту все-таки удалось отыскать заведующего нью-йоркской исправительной системой. Последний находился в приподнятом настроении. Рабби Гехт передал трубку рабби Кацу, и тот рассказал, что уже в этом году еврейские заключенные южноафриканских тюрем будут зажигать ханукальные свечи, после чего вежливо предложил ввести подобное новшество и здесь. К величайшему изумлению рабби Гехта, заведующий легко согласился с предложением рабби Каца и добавил, что если уж тюремное начальство Южной Африки, где еврейское население столь малочисленно, разрешило зажигать евреям заключенным ханукальные свечи, то тем более это

должно произойти в Нью-Йорке!..

...Было около трех часов дня, когда рабби Кац стоял возле дверей кабинета и ждал Ребе, который должен был вот-вот выйти на послеполуденную молитву. Появившись из кабинета, Ребе снова посмотрел на рабби Каца вопросительным взглядом. Рабби Кац кивнул в знак того, что задание выполнено успешно. "Мне хотелось бы видеть вас у себя после молитвы", - улыбнулся Ребе.

Рабби Кац не знал, что и думать: какую еще миссию поручит ему Ребе?..

На этот раз, однако, Ребе не собирался давать рабби Кацу никаких заданий. Когда рабби Кац после молитвы вошел в кабинет, Ребе сказал, что поскольку рабби Кац оказал ему услугу, ему хотелось бы каким-либо образом его отблагодарить.

Рабби Кац смутился. Выполнить поручение Ребе - великая честь для него, объяснил он. К тому же он получил от Ребе столько благословений, что не в праве рассчитывать на что-то еще...

Ребе не принял ответ рабби Каца и повторил, что не хотел бы оставаться перед ним в долгу. Тогда рабби Кац, немного подумав, попросил у Ребе книгу "Тания" для своего сына. Ребе велел рабби Кацу через некоторое время подойти за книгой в один из кабинетов.

Вернувшись через положенное время, рабби Кац получил от секретаря не одну, а несколько книг: "Танию" в добротном кожаном переплете для себя, "Танию" с переводом на английский язык для сына, книгу "Challenge" для генерала Сефтона и книгу "Women of Valor" для жены генерала Сефтона.

Возвратившись домой, рабби Кац сразу же позвонил генералу Сефтону. Прежде чем он успел что-либо сказать, генерал сообщил ему, что телекс был послан им в то же утро, и в этом году еврейские заключенные зажгли ханукальные свечи. Рабби Кац поблагодарил генерала и сказал, что привез для него подарок от Любавичского Ребе. Генерал ответил, что приедет прямо сейчас.

Когда, примерно через час, генерал Сефтон появился в доме рабби Каца, тот спросил: "К чему такая спешка, генерал? Вы ведь могли забрать это и позже!" Генерал улыбнулся в ответ и объяснил, что когда человек находится в Нью-Йорке и думает о тех, кто живет на другом конце земного шара, - особенно о тех, кто осужден и сидит в тюрьме, - и когда он стремится сделать все возможное, чтобы принести этим людям свет и тепло, такой человек - истинный лидер. "И если такой человек передает что-то специально для меня, - добавил генерал, - я хочу получить это безотлагательно".

Раввин Яков-Йегуда Гехт (слева)

«ЭТИ свечки...»

* Для зажигания ханукального светильника (Меноры) желательнее использовать оливковое масло (так делалось в Иерусалимском Храме), однако можно пользоваться и свечами.

* Огни Меноры зажигают при помощи восковой «служебной» свечи (шамеш), которую потом размещают немного выше или чуть в стороне от остальных свечей.

* В первый ханукальный вечер произносят три благословения:

1. **Борух Ато А-дэй-ной Э-ло-хэйну Мэлэх Хозйлом Ашер Кидшону Бэмицэйтсов Вэцивону Лехадлик Нэйр Хануко**

(Благословен Ты, Б-г, Всесильный наш, Владыка вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший нам зажигать ханукальную свечу!)

2. **Борух Ато А-дэй-ной Э-ло-хэйну Мэлэх Хозйлом Шеосо Нисим Лаавэйсэйну Байомим Хозйм Бизман Хазэ**

(Благословен Ты, Б-г, Всесильный наш, Владыка вселенной, явивший чудеса отцам нашим в те времена, в эти же дни года!)

3. **Борух Ато А-дэй-ной Э-ло-хэйну Мэлэх Хозйлом Шеэхэйону Векиймону Вэхигиону Лизман Хазэ**

* В остальные дни Хануки перед зажиганием огней произносят только первые два благословения!

* После зажигания огней произносят следующее:

«Эти свечки мы зажигаем в память о спасении, и о знамениях, и о чудесах, которые Ты руками святых коанам Твоих, явил отцам нашим, в те времена, в эти же дни года. И на протяжении всех восьми дней Хануки эти свечки святы, и мы не имеем права пользоваться

их светом – можем лишь смотреть на них, чтобы возносить благодарность и хвалу великому имени Твоему – за знамения Твои, и за чудеса Твои, и за спасение, посланное Тобою».

* В первый день Хануки зажигают одну свечу, во второй – две и так далее.

В первый вечер Хануки зажигается крайняя справа свеча (если стоять к Меноре лицом). На следующий день к ней прибавляется соседняя и т.д. (Но зажигают сначала новую, затем вчерашнюю, т.е., слева направо. См. схему.)

* Если одна из свечей погаснет, ее можно зажечь вновь, но только от шамеша.

* Вечером в пятницу, когда уже наступила суббота, зажигать снова свечки нельзя!

* По традиции ХАБАДа, Менору принято устанавливать в дверном проеме одной из комнат (желательно той, где обычно обедают), напротив косяка с мезузой.

* Зажигать Менору, согласно принятым в ХАБАДе обычаям, следует после захода солнца, незадолго до выхода звезд.

* Масла должно хватить хотя бы на 30 минут горения после выхода звезд.

* Перед наступлением субботы огни Меноры следует зажечь раньше субботних свечей. Поэтому необходимо проследить за тем, чтобы в чашечках было достаточно масла, или, если используются свечки, убедиться в том, что они будут гореть достаточно долго.

* На исходе субботы Менору зажигают только после полного наступления ночи (после вечерней молитвы «Маарив» и «Хавдала»).

Если по какой-то причине огни Меноры не успели зажечь до выхода звезд, можно сделать это в

течение всего того времени, пока домашние не легли спать.

* Ханукальные огни зажигают с 25 Кислева по 2 Тевета (в этом году – с 15 декабря (вечер) по 23 декабря (вечер)). Наступление ночи в дни Хануки в Нью-Йорке и Израиле приблизительно в 17:10.

«Отпразднуй в студеную зимнюю пору...»

ШМУЭЛЬ СОМИНСКИЙ

- Здравствуйте! Вы к кому? А, нам часто оттуда приходят. Квартира правильная, только дом не восемь, а восемь дробь десять. А у нас праздник сейчас. Вы же тоже еврей? Да уж раздевайтесь

теперь, куда Вы пойдете. «Однажды в студеную, зимнюю пору...» Припоминаете? Нет, нет.. Другое. Ханука, «Ханейрос халолу», латкес, дрейдл... Непонятно? Еще лучше! Садитесь, садитесь. Наливайте себе сами.

Вот, видите, чем закусывают - это латкес. Когда будем петь, услышите про «нейрос». Дрейдл - это еврейское казино. Все очень просто. Тора - это вообще очень просто. Что-то еще непонятно? Все непонятно? Отлично! Я как раз не знал, с чего начать.

...А дело было так. Евреям велели «стать как все». Как это обычно бывает: сказали, как отрезали.

Греки вообще считали себя авангардом человечества, а евреи были непонятны, если не сказать – неудобны. С этого все и началось. А вот чем закончилось – для тех же греков – даже как-то неловко рассказывать.

А ради чего мы, собственно, воевали?.. Ханука – это не День Победы. «...В дни Матитьягу, сына Йоханана Хашмоная, первосвященника, и его сыновей ... выступило злодейское царство Яван против народа Твоего, сынов Израиля, чтобы заставить их забыть Твою Тору и нарушить законы Твои...»

Нет, не мое. Из молитвы. Яван?.. Это древняя Греция по-древнееврейски. Остальное понятно?.. Очень хорошо. Оказывается, евреи пошли воевать, не просто для того, чтобы отстоять право карта-

вить, лучше всех играть в шахматы и претендовать на Нобелевскую премию!..

...Понимаю, понимаю. Чужой дом. Вы торопитесь, устали держать на весу рюмку. Ей-Бугу, еще пять минут, и мы во всем разберемся. Мне даже самому стало интересно. Вы будете смеяться, но, может быть, даже больше, чем вам.

Так что там дальше? «...И даровал Ты великое спасение и избавление ... и пришли сыны Израиля в Святая Святыя Храма Твоего и выбросили идолов ... и очистили Святилище Твое, и зажгли светильники во дворах Святилища Твоего, и установили эти восемь дней Хануки для того, чтобы воздать благодарность и восхвалять великое Имя Твое». Вот оно! Наконец-то! Добрались!..

Потерпите еще минутку. Буквально пару слов. В Храме должен был гореть светильник. Назывался Менора. Масло для него было особым. Собранное из первых капель отжима оливок, оберегавшееся от всякого осквернения, в кувшинчиках, запечатанных печатью первосвященника, оно хранилось в Храме. Убегая из Иерусалима, культурные вроде бы греки расправились с маслом поварварски. Они не украли его, не вылили на землю и не потратили на жарку. Они его просто осквернили.

Знаете, в какой-то степени греков можно было понять. Из самых простых вещей евреи умеют сделать проблему, и греку хочется, в лучшем случае, призвать их к порядку. Но остановить нашего брата, особенно, если дело касается служения, тут уж не знаю, какие силы нужны!..

И что вы думаете?.. Евреи поступили вполне естественным для себя образом. Войдя в Храм, они не захотели ждать. Служить Тому, Кто их спас, им надо было сегодня же и сейчас же! Но как? Для изготовления нового оливкового масла, подходящего для Меноры по всем критериям и параметрам, нужно было ждать, по крайней мере, неделю!.. Хашмонеи это знали. И поэтому отправились на поиски чистого масла.

Все, все, заканчиваю. Вы же не сначала пришли и лехаим это уже не первый. А я и трезвый не умею складно говорить. Ну, выпейте, если устали держать рюмку, налейте еще. В конце концов, праздник... Так вот, что ж там было дальше? Ничего из ряда вон выходящего. Евреи нашли масло, один-единственный кувшинчик, который греки почему-то не заметили. Масла в нем должно было хватить на то, чтобы Менора горела один день. А хватило на восемь!..

Кстати, вы видели античные статуи? Волевые такие лица, без комплексов, нацеленные на победу. Таких шапками не закидаешь. А победили все равно мы. Потому что верили в чудо. А в нашей жизни чудо обычно решает все!

И вообще. Пока я тут говорил, сам перестал понимать, в честь чего установленна Ханука. Да что же, в самом деле, необычного в событиях, с которыми она связана?! Что необычного во всей нашей еврейской судьбе, когда наша повседневность – это чудо? Как там, в первоисточнике? «В начале соверения Б-гом Небес и Земли...» Да, да. День первый, день второй... И чем дальше, тем повседневней!..

Ну, будьте здоровы. С праздником вас. Езжайте домой. Садитесь за свой ханукальный стол, зовите своих родственников и сами заканчивайте мой лехаим, как хотите... Может быть, к вам тоже кто-нибудь в гости зайдет. Вам ведь теперь есть, что рассказать.

ТФ

ВЕЛИКОГО МАГИДА

Эли Элкин

ЖРЕБИЙ

Рабби Исроэль из Ружина был праправнуком рабби Дов-Бера из Межерича. От своего великого прапрадеда Ружинский Ребе унаследовал пару тфиллин. Когда рабби Исроэль покинул этот мир, его сыновья собрались вместе, чтобы поделить между собой наследство отца. Во избежание распрей и недомолвок один из братьев предложил: "Пусть каждый из нас напишет, что бы он желал взять себе из вещей отца. Записки мы положим в конверты, а потом кто-нибудь прочтет их вслух, и каждый получит то, что он просил". Все согласились. Когда конверты были готовы, у кого-то из братьев появилась еще одна идея. "Почему бы теперь нам не бросить жребий? – предложил он. – Это будет по-настоящему справедливым решением, поскольку все будет зависеть от воли Небес!" Братья единодушно признали, что эта мысль лучше прежней.

Бросая жребий, братья с замиранием сердца ожидали результата. Каждый из них желал стать обладателем отцовской пары тфиллин, которая, как они знали, принадлежала самому Межеричскому Магиду.

Удача улыбнулась рабби Довиду-Моше. Он с трудом мог сдерживать переполнявшие его чувства. Рабби Авраам-Яков, старший из братьев, предложил распечатать конверты и посмотреть, насколько их просьбы совпали с результатами жребия. Все согласились. Каждому было интересно узнать, что просили остальные. У каждого из братьев был составлен длинный список, который, помимо прочего, включал тфиллин отца. И только в записке рабби Довида-Моше стояло одно-единственное слово – "Тфиллин". Тогда братья признали, что жребием действительно руководило Б-жественное Провидение, и драгоценная пара тфиллин перешла тому, к кому она должна была перейти.

Вернувшись домой, в Потек, рабби Довид-Моше каждое утро возлагал отцовские тфиллин, ощущал исходящую от них святость и чувство трепета наполняло его сердце.

ЗАМЕНА

Рабби Авраам-Яков, старший из братьев, вернувшись к себе в Садигор, не переставая думать об отцовской паре тфиллин. Он так хотел, чтобы они достались именно ему!

Однажды, во время первого вечера Хануки Ребе поделился своими мыслями с хасидами. "Обычно зависть способна сжечь человека со света, – сказал он. – Но есть и другой вид зависти. Это – ревность. Так, например, помыслы Матитьягу и его пяти сыновей были проникнуты ревностным желанием освятить имя Всевышнего и отстоять в бою священную Тору. Такая зависть может также принимать форму соперничества в знаниях между мудрецами Торы. И это тоже приводит к добру, ибо каждый из них оттачивает свою мудрость. Что касается праведников, то и среди них существует зависть друг к другу, в результате которой растет их богобоязненность..."

Хасиды слушали, затаив дыхание, и ждали, какое заключение Ребе выведет из сказанного.

"...И я, Авраам-Яков, – продолжал Ребе, – завидую своему младшему брату рабби Довиду-Моше из-за того, что ему, а не мне досталась пара тфиллин нашего святого прапрадеда, Магида из Межерича! Он удостоился великой заслуги – каждое утро возлагать эти тфиллин!..."

Двое из учеников Ребе, совсем еще юные хасиды, приняли слова Ребе очень близко к сердцу. Ребе в печали? Такого они допустить не могут! Если у Ребе нет того, что он так страстно желает, они достанут это для него даже из-под земли!

Сговорившись и не сказав никому ни слова, юноши покинули Садигор и отправились в Потек. Им удалось обнаружить, где рабби Довид-Моше хранит унаследованные тфиллин. Улучив подходящий момент, они тайком вынули их и заменили обычными. После этого они отправились обратно в Садигор.

При первой же возможности они вручили Ребе святые тфиллин. Рабби Авраам-Яков, не веря собственным глазам, с изумлением смотрел на них. Он бережно взял тфиллин и внимательно изучил их. Вне всяких сомнений, это были тфиллин Межеричского Магида. Ребе пристально посмотрел на юношей. "Где вы это взяли?" – тихо спросил он. Тон, которым Ребе признал эти слова, не предвещал ничего хорошего. "М..м..м..мы заменили их другими,

– заикаясь прошептал один из юношей. – М..м..мы знали, как Ребе их хочет..." "Получается, что вы их украли? – голос Ребе стал тверже, и он воскликнул: – Глупцы! Как вы могли решиться на такое!..."

Юноши готовы были сгореть со стыда. Они ведь хотели как лучше. Они хотели осчастливить Ребе...

ВОЗВРАТ

Ребе завернул тфиллин в шелковый платок, а затем обратился к тем, кто присутствовал во время этой сцены: "Никто не должен знать о том, что здесь сегодня произошло. Собирайтесь в дорогу. Мы едем в Потек".

Когда Ребе из Садигора и несколько его хасидов (и двое юношей в их числе) прибыли в Потек, рабби Довид-Моше не мог скрыть своей радости. Он радушно встретил своих гостей и оказал им великие почести.

На следующее утро, придя в синагогу, рабби Авраам-Яков стал украдкой наблюдать за приготовлением своего младшего брата к молитве. Он увидел, что перед ним на столе лежат две пары тфиллин. Одна из них принадлежала рабби Довиду-Моше изначально, а вторая должна была быть парой тфиллин

Межеричского Магида. Рабби Довид-Моше бережно взял вторую пару, некоторое время подержал ее, а затем, испустив глубокий вздох, положил ее обратно на стол. После этого он надел обычную пару тфиллин. "Почему ты не надел тфиллин отца?" – спросил рабби Авраам-Яков. "Раньше я всегда ощущал исходящую от них святость, – печально ответил брат, – но с сегодняшнего дня я, очевидно, больше не достоин этого. Я ничего не чувствую". "Ты – не достоин? – воскликнул рабби Авраам-Яков. – Мой дорогой брат, я открою тебе истину. Это – не отцовские тфиллин. Отцовские были у тебя украдены и заменены на обычные! Вот, я привез их тебе обратно. Возьми, и ничего у меня не спрашивай". С этими словами рабби Авраам-Яков передал своему брату шелковый платок, в который были завернуты тфиллин Магида.

Рабби Довид-Моше был потрясен. Он проверил тфиллин и сказал: "Да, действительно, это тфиллин отца! Теперь мне понятно, почему я сегодня не почувствовал их святости!..."

"Мой брат – удивительный человек, – рассказывал позже Садигорский Ребе своим хасидам. – Он почувствовал, что святость исчезла, но обвинил в этом только самого себя!.. Это – истинная скромность!"

С этого дня рабби Довид-Моше после утренней молитвы всегда прятал отцовские тфиллин в укромное место, где их никто не мог найти.

ПРОПАЖА

Прошли годы. Рабби Довид-Моше переехал из Потека в Чортков и встал во главе местных хасидов. Слава о мудрости Ребе из Чорткова распространилась далеко за пределы Подолии и Галиции. Множество людей приходило к рабби Довиду-Моше за благословением и поддержкой.

Уже будучи стариком, рабби Довид-Моше позвал однажды к себе своего единственного сына рабби Исроэля и сказал: "Я чувствую, что мои годы сочтены. Я оставляю тебе в наследство самое драгоценное, что у меня есть – тфиллин моего прапрадеда, Межиричского Магида. Храни их и береги, как зеницу ока"...

После того, как рабби Довид-Моше покинул этот мир, рабби Исроэль принял пост Ребе. Следуя воле отца, он бережно хранил завещанные ему тфиллин. Рабби Исроэль с таким трепетом относился к ним, что надевал их лишь дважды в год – в Пурим и в канун дня Йом-Кипур.

Но рабби Исроэль не сумел до конца исполнить отцовскую волю. В 1914 г. вспыхнула Первая мировая война. Русские войска вторглись в Галицию и стали подступать к Чорткову. Город охватила паника. Спасая свои жизни, жители поспешно бежали, бросая дома и имущество. Бежал и рабби Исроэль со своей семьей. Так получилось, что в суматохе он начисто забыл о драгоценной паре тфиллин...

Ворвавшиеся в Чортков казаки крушили все, что попадалось им под руку, и убивали всякого, кто встречался им на пути. Все, что представляло хотя бы малую ценность, стало их добычей. Затем они подожгли несколько домов (в том числе и дом Ребе) и покинули Чортков...

Добравшись до Львова, рабби Исроэль решил переждать здесь опасность, а затем вернуться домой. Легко представить чувство Ребе, когда он обнаружил, что забыл самую драгоценную вещь в доме – отцовские тфиллин!..

Когда же он услышал, что казаки разграбили и подожгли Чортков, его горе было безутешным. "Как я мог забыть тфиллин?! – плакал Ребе. – Как я мог нарушить последнюю волю отца?!"

Тем временем русские войска успешно продвигались и наконец подошли ко Львову. И вновь Ребе пришлось спасать свою жизнь. Так, вместе с семьей он оказался в Вене. Они все еще надеялись, что война скоро закончится, но она продолжалась целых четыре года...

ПОИСКИ

С радостью рабби Исроэль воспринял известие о том, что русские войска оставили Галицию. Он позвал к себе одного из хасидов и велел ему немедленно отправляться в Чортков. "Поезжай и посмотри, в каком состоянии наш город. Кто знает, может быть, мы еще сможем отстроить его заново. Когда будешь там, пожалуйста, поищи мои тфиллин. Постарайся найти их. Ты знаешь, что они значат для меня".

Посланник отбыл в Чортков. Время было военное, путешествие было небезопасно, и дорога туда и обратно заняла несколько недель.

Хасид вернулся с печальными вестями. "Почти весь город сгорел, – сообщил он рабби Исроэлю. – Дом Ребе полностью разрушен. Несколько еврейских семей, которые туда вернулись, живут в нищете. Нет смысла туда возвращаться". "А тфиллин? – спросил Ребе. – Ты нашел их?" "Я все обыскал. Я спрашивал у людей. Никто ничего не знает. Мне сказали, что, скорее всего, они сгорели вместе с другими вещами Ребе..."

Рабби Исроэль не мог смириться с мыслью о том, что он не уберет драгоценные тфиллин отца. Каждый будний день, когда он надевал свои тфиллин, он думал о пропаже. В Пурим и в канун дня Йом-Кипур Ребе всегда плакал: "Как же я мог забыть их? Есть ли искупление моему греху?..."

НАХОДКА

Однажды, когда война уже закончилась, в дверь дома рабби Исроэля постучался солдат. "Я хотел бы поговорить с Ребе", – сказал он вышедшему на стук габбай. Габбай окинул подозрительным взглядом залатанную солдатскую форму и ответил: "Ребе не может сейчас принимать посетителей. Приди позже". "Мне нужно видеть Ребе прямо сейчас, – твердым голосом сказал солдат. – У меня к нему срочное дело". Почувствовав, что незваного гостя спровадить будет нелегко, габбай ответил, что должен сначала спросить Ребе.

"Пришел какой-то русский солдат и требует визита, – сообщил габбай, войдя к Ребе в комнату. – Я ему сказал, что Ребе никого сейчас не принимает. Но он говорит, что его дело – очень важное". "Скорее всего, так и есть. – ответил Ребе. – Скажи ему, пусть войдет".

Габбай позвал солдата и провел его к Ребе. Солдат вошел в комнату и, не говоря ни слова, вынул из своего мешка завернутый в платок предмет. Он раз-

вернул платок, и сердце Ребе учащенно забилось. Это были тфиллин его отца. Те самые, которые он оставил когда-то в Чорткове.

"Я нашел их в вашем доме, Ребе, – сказал солдат. – И пришел, чтобы вернуть их вам". Первые несколько минут Ребе не мог ничего сказать, настолько велико было его потрясение. Он бережно взял драгоценные тфиллин в руку и прижал их к сердцу. "Скажите мне, молодой человек, – спросил наконец Ребе дрожащим голосом, – как к вам попала эта вещь?" "Я расскажу вам, Ребе, – ответил солдат. – Это очень необыкновенная история..."

...Он родился и вырос в России, в еврейской религиозной семье. Когда началась война, его, как и многих его соотечественников, мобилизовали в царскую армию. Случилось так, что когда его часть стояла возле австрийской границы, был получен приказ от командования перейти границу и захватить пограничные города.

"Мы перешли границу, – рассказывал солдат, – и у нас начались перестрелки с австрийскими отрядами. Так продолжалось несколько недель. Потом

начался серьезный бой. Нам было приказано атаковать. Австрийцы стали отступать. Мы преследовали их, но не могли настигнуть.

На нашем пути находился городок Чорт-

ков. У меня, Ребе, особые чувства к этому городку. Когда я был мальчиком, отец всегда брал меня с собой к Ребе в Чортков...

Незадолго до нас здесь уже побывали казаки. То, что я увидел, ужаснуло меня – полусгоревшие дома, разломанные двери, разбитые окна, искореженная мебель... Я хорошо помнил Чортков, и мне было больно на все это смотреть.

Пока мои товарищи рылись в обломках, пытаюсь найти чего-нибудь стоящее, я пошел к тому месту, где когда-то стоял дом Ребе. Среди развалин валялись предметы полусгоревшей домашней утвари и очень много священных книг. Почти все они были разорваны.

Я стал пересматривать книги и вдруг увидел мешочек с тфиллин. Я открыл его и с удивлением обнаружил, что они не пострадали! Это было настоящее чудо! И я сказал себе: "Я должен взять эти тфиллин. Если Б-г поможет мне выжить в этой войне, я верну их Ребе".

Должен сказать вам, Ребе, что эти тфиллин и в самом деле особенные. Я ни разу не осмелился надеть их. Всю войну я носил их в своем мешке. Казалось, что они защищают меня. Почти все мои товарищи погибли в бою, многие умерли от голода или тифа, но я никогда не был даже ранен.

Куда бы я ни шел, я брал эти тфиллин с собой. И вот однажды, когда война была в разгаре, Всевышний смилостивился надо мной. Я попал в плен. Да, меня окружали враги, но у меня была еда и мне не нужно было воевать. Там я тоже берег эти тфиллин, или, если говорить честно, тфиллин берегли меня. Я оставался в плену до самого конца войны. Потом меня выпустили на свободу. Я сразу же отправился искать Ребе..."

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Солдат закончил свой рассказ. Рабби Исроэль некоторое время молчал. "Вы правы, молодой человек, – сказал он наконец. – Это действительно особые и святые тфиллин. Когда-то они принадлежали моему прапрадеду, великому Магиду из Межерича. И поэтому их не смогли уничтожить ни казаки, ни пожар, ни война..."

"...И в заслугу того, – продолжал Ребе, – что вы решили вернуть потерянный предмет законному владельцу, Всевышний защищал вас. Известно, что тому, кто исполняет заповедь, не грозит опасность. Дай Б-г, чтобы святые ангелы, которые берегли вас на протяжении всей войны, и дальше берегли вас, и дай Б-г, чтобы ваш путь домой был безопасным и чтобы вы встретились со всей своей семьей".

Глядя на заплатанную и обветшавшую амуницию солдата, Ребе решил дать ему денег. Он поискал в карманах, но там ничего не оказалось. "Одну минуту, молодой человек, – сказал Ребе. – Я сейчас вернусь," – и вышел из комнаты. Найдя немного денег, Ребе вернулся, но солдата уже не застал. Ребе поспешил к дверям в надежде застать гостя на пороге. "Ты видел, куда пошел этот человек?" – обратился Ребе к габбай. "Я даже не видел, как он вышел, – ответил тот. – Я видел только, как он входил".

Ребе окинул взглядом улицу, но никого не увидел. Тогда Ребе спросил у маленького мальчика, игравшего неподалеку от дома, видел ли тот человека, одетого в солдатскую форму. "Да, – ответил мальчик. – Я видел,

как из вашего дома вышел солдат и пошел вон туда..." – и мальчик махнул рукой в направлении улицы.

Ребе сразу же отправил людей на поиски исчезнувшего солдата. Они искали его на улицах города, на базарной площади, в синагогах, но нигде не могли найти. Солдат исчез и никогда больше Ребе не встречался с этим таинственным человеком.

из писем Ребе

ДЕПРЕССИЯ

– не лучшее лекарство

С Б-жьей помощью
18 Кислева 5719 (1959) г.
Бруклин, Нью-Йорк

Мир и благословение!

Я получил Ваше письмо от 6 и 12 Мархешвана (хотя, уверен, Вы имели в виду 6 и 12 Кислева), где Вы рассказываете о некоторых деталях Вашей прошлой жизни, которая шла вразрез с Торой и заповедями. Налицо – депрессия, испытываемая Вами от этого даже сейчас.

Вряд ли я должен подробно останавливаться на вопросе раскаяния (тшува) – одном из столпов и заповедей Торы. Ежедневно, трижды в день мы произносим в наших молитвах: "Возврати нас, Всевышний" и "Прости нас, Отец наш". Я советую Вам изучить "Послание о покаянии" Алтер Ребе, автора Тании и "Шулхан Арух", где

подробно объясняется, что такое раскаяние, и как его может совершить каждый из нас, если проявит волю и решительность. Искреннее раскаяние всегда принимается Всевышним, ибо Он добр и всемилостив. Осознав это, Вы поймете, что чувство депрессии и тревоги не способствует истинному раскаянию. Скорее наоборот, это мешает, поскольку истинная и искренняя тшува исходит из ощущения счастья и близости ко Всевышнему и твердого решения исполнять Тору и заповеди и служить Б-гу с радостью и весельем в сердце.

Теперь в отношении вопроса о Ваших перспективах на ближайшее будущее. Вы пишете, что работаете на предприятии Вашего отчима, который соблюдает заповеди Торы. Таким образом, я заключаю, что Ваша работа абсолютно не мешает принятому Вами решению вести жизнь согласно Торе и ее заповедям. Что касается Вашего возраста, я полагаю, что Вам следовало бы поторопиться с поиском подходящей пары, то есть, той, которая согласится строить вместе с Вами настоящий еврейский дом, основанный на Торе и заповедях. И когда Вы найдете свою суженую и придете к полному соглашению во всех вопросах, крайне желательно после этого не откладывать день свадьбы на долгий срок. Таким образом, как мне кажется, Вам следует продолжать Вашу нынешнюю работу, но также постарайтесь установить для себя определенный период времени, чтобы каждый день вы могли изучать Тору, а в субботу Вам следует посвящать учебе больше времени, чем в будние дни.

Я уверен, что Вы знаете о добром обычае ежедневного чтения псалмов после утренней молитвы согласно разбивке книги Теилим на дни месяца. Я также уверен, что Вы следуете обычаю жертвовать несколько монет для цдоки перед ежедневной молитвой в будние дни. Кроме того, рекомендую Вам проверить тфиллин. Надеюсь слышать от Вас лишь добрые вести и желаю радостной и вдохновенной Хануки.

С благословением
М.М. Шнеерсон

ШАЙ ГЕФЕН

«МАРСЕЛЬЕЗЫ»

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

23 КИСЛЕВА 5752 (НОВАБРЬ 1991) Г., В СУББОТУ ГЛАВЫ «ВАЙЕШЕВ», СВОЮ ТРАДИЦИОННУЮ БЕСЕДУ РЕБЕ ПОСВЯТИЛ ФРАНЦИИ, А ИМЕННО - «ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НАШИХ ДНЕЙ». РЕБЕ ПОДРОБНО ОСТАНОВИЛСЯ НА ТОМ, ЧТО ИМЕННО В ПОСЛЕДНЕМ ПОКОЛЕНИИ, СТОЯЩЕМ НА ПОРОГЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ, ДУХОВНОЕ ОЧИЩЕНИЕ ФРАНЦИИ – НАИНИЗШЕГО ПО СВОЕЙ ДУХОВНОСТИ МЕСТА В МИРЕ – ЗАВЕРШЕНО, А ЗНАЧИТ, ЗАВЕРШЕНО И ДУХОВНОЕ ОЧИЩЕНИЕ ВСЕГО МИРА. ЧТОБЫ ПРОИЛЛЮСТРИРОВАТЬ СКАЗАННОЕ ПРИМЕРОМ, РЕБЕ СОВЕРШИЛ НЕБОЛЬШОЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ, НАПОМНИВ О ПРЕВРАЩЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГИМНА «МАРСЕЛЬЕЗЫ» В ХАСИДСКИЙ НИГУН.

Это произошло вскоре после того, как разразилась война Судного Дня. Во время празднования Симхас-Тора 5734 (октябрь 1973) г. Ребе неожиданно запел нигун, в котором многие из присутствующих с изумлением узнали французский государственный гимн – знаменитую «Марсельезу». Вопросов, однако, никто задавать не стал. Хасиды просто подхватили пение. Ясно было одно: Ребе опять поднимает революцию в духовных мирах. Никто даже предположить не мог, какие последствия в самом ближайшем будущем повлечет за собой эта трансформация.

На следующий день, в субботу главы «Берейшис», завеса тайны была приоткрыта. Свое выступление Ребе начал с рассказа о духовной войне основателя ХАБАДа рабби Шнеур-Залмана из Ляд (Алтер Ребе) с Францией, во главе которой тогда стоял Наполеон. В ходе этой борьбы победный «Марш

Наполеона» был превращен Алтер Ребе в хасидский нигун. И как результат – поражение Наполеона в войне с Россией, а спустя три года – окончательное падение честолюбивого императора. Несколько поколений хабадников с жаром пели эту мелодию, даже не подозревая о ее происхождении.

Национальный гимн – это воплощение национальной гордости и могущества, объяснил Ребе. Особенно это верно в отношении тех народов, которые имеют ангела-представителя на Небесах, а французский народ, подчеркнул Ребе, как раз относится к их числу.

Далеко не каждому, однако, дана способность преобразовать Ибо каждая мелодия обладает огромной духовной силой и происходит из источника, находящегося необычайно высоко в духовных мирах. И лишь знающий тайну мелодии может осуществить ее превращение.

То же самое, сказал Ребе, происходит и сейчас. Сейчас во Франции вершится самая настоящая революция, то есть возвращение французского еврейства к Торе. И чтобы евреи Франции не чувствовали себя чужими в своей стране, чтобы французы относились к ним с должным уважением, возникла необходимость в преображении «Марсельезы», необходимость увековечить ее как гимн святости.

В те годы президентом французской республики был Жорж Помпиду, который своей неприязни к евреям не скрывал никогда. Еврейская община Франции даже не пыталась наладить с ним отношения, ибо, кроме всего прочего, он был известен как человек крайне жесткий и непримиримый.

Открытая конфронтация началась в 5734 (1974) г., когда Ребе публично выступил против французского президента. За несколько дней до Пурима Ребе сказал, что некто осмелился заявить, будто евреи, не проживающие в Эрец-Исраэль, вообще не должны вмешиваться в ее дела. «Но даже злодей Аман, - заметил Ребе, - признавал, что все евреи представляют собой единый, неделимый народ. Это ведь ему принадлежат слова: «Есть один народ, рассеянный среди народов и обособленный (от них)». Кто осмелится после этого утверждать, что еврей, живущий за пределами Эрец-Исраэль, не имеет отношения к евреям, живущим в Святой Земле?..» «А ведь именно это, - повысил голос Ребе, - утверждает Помпиду! Получается, что он еще хуже злодея Амана!»

...После начала войны Судного Дня по Франции прокатилась волна демонстраций французских евреев в защиту Израиля. Представители еврейской общины встретились с президентом Помпиду и обратилась к нему с просьбой помочь Израилю. Тот, однако, от своей антиизраильской политики не отказался. Наоборот, он ввел эмбарго на поставки Израилю оружия. «Если вы хотите, чтобы я признавал вас французскими гражданами, не вмешивайтесь

Жорж Помпиду

Валери Жискар д'Эстен

Франсуа Миттеран

Жак Ширак

в события, происходящие в Израиле!» – открыто заявил Помпиду. Эти его слова и послужили поводом для возмущения, которое Ребе выразил в своей беседе.

Этот год стал для Помпиду последним – и в политике, и в жизни вообще. В среду, 11 Нисана 5734 (1974) г. – в день рождения Ребе – французский президент скоропостижно скончался. (Следует отметить, что в течение некоторого времени Помпиду чувствовал недомогание, которое, впрочем, не мешало ему работать, как обычно. Так или иначе, никаких признаков надвигающейся смерти не наблюдалось).

Но вернемся к «Марсельезе». После Помпиду главой страны становится Валери Жискар д'Эстен. Именно он неожиданно издал постановление об изменении темпа государственного гимна. Неожиданно – для большинства своих сограждан и мировой общественности вообще. Но хасиды ХАБАДА прекрасно понимали, что послужило причиной подобного заявления. После спетого Ребе несколько месяцев назад нигуна «а-Дерех вз а-Эмуна» на мотив «Марсельезы», гимн Франции не мог больше оставаться «самим собой» - слишком велика была святость, к которой его приблизил Ребе.

Гимн претерпел музыкальную редакцию, стал более размеренным и церемониальным. Но вот проходит семь лет, и Франсуа Миттеран, ставший главой республики в 1981 г., возвращает гимну прежнее звучание! Как видно, ангел-покровитель Франции не собирался сдаваться без боя и всеми силами сопротивлялся освящению доверенной ему страны.

Новый французский президент особых симпатий к религиозным евреям не питал и даже пытался в законодательном порядке отменить государственное финансирование частных религиозных школ. И хотя ему, слава Б-гу, это не удалось, все же своего антисемитизма он не скрывал, выражая его самым неожиданным образом. Так, например, ежегодно,

в день смерти маршала Петена (того самого, который в 1940-м лично встречался с Гитлером и обеспечил ему полную поддержку), президент посещал его могилу и возлагал там венки. А однажды Миттеран открыто заявил, что является противником движения «ХАБАД-Любавич». Неоднократно к президенту обращались с просьбой написать приветственное письмо Любавичскому Ребе, но он неизменно отвечал, что не желает поддерживать «фундаменталистов».

Ребе не случайно говорил в беседе 1992 года о возвращении Миттераном первоначального темпа «Марсельезы». Видимо, это событие ознаменовало новый этап борьбы французской духовной скверны со святостью – продолжением борьбы Наполеона с Алтер Ребе.

После смерти Миттерана в 1996 г. пост президента Франции занял Жак Ширак, который, если и был антисемитом, то проявлял это не так явно, как его предшественники. Еще в свою бытность мэром Парижа он поддерживал еврейские религиозные школы. Но самое поразительное – именно этот человек официально признал превращение государственного гимна Франции в нигун святости. Подобно тому, как его предок Эйсава признал права Яакова на отцовские благословения.

Произошло это 11 Нисана 5764 (2004) г., в день рождения Ребе.

«...Накануне 11 Нисана мне позвонил президент Ширак, - рассказывает посланник Ребе во Франции раввин Йосеф-Ицхак Певзнер. - Предполагалось, что он примет участие в торжественной церемонии, посвященной дню рождения Ребе, но оказалось, что, в силу своей занятости, он не сможет лично присутствовать на этом торжестве. 11 Нисана выпало на пятницу, а в четверг, как сообщил мне президент, ему необходимо посетить могилу Помпиду.

Я дипломатично заметил, что он является достойным преемником Помпиду. Ширак сказал, что эти слова никак нельзя назвать ком-

плиментом в его адрес, и что он и Помпиду - это два совершенно противоположных мира. Что касается участия в посещении могилы Помпиду, то он вынужден это сделать, поскольку такова официальная церемония.

Переведя разговор, президент вдруг предложил мне составить краткую биографию Ребе, чтобы на ее основе написать письмо ко дню его рождения.

Мы подготовили меморандум, где, в частности, упоминалось, что Ребе провел во Франции много лет, о которых он всегда вспоминал с особенной теплотой. Говоря о тесной связи Ребе с Францией, мы отметили, что однажды Ребе использовал музыку «Марсельезы» в святых целях – для молитвы.

Советники президента тщательно проверили достоверность этой информации... и выступили против какого-либо упоминания о французском гимне, ведь это – величайшая святость государства!.. Неуважение к государственному гимну наказуемо тюремным заключением, а музыку гимна строго запрещает использовать в посторонних целях. В общем, решение этого вопроса оставили на усмотрение президента. И Жак Ширак это решение принял.

Вот что было сказано в привет-

ственном письме от 2 апреля 2004 (11 Нисана 5764) г., адресованном любавичским хасидам и получившем широкую известность среди всех евреев Франции:

«...102 года тому назад в России родился человек, оказавший огромное влияние на ваше мировоззрение, человек, которого вы называете преданно и просто – Ребе.

Отношение Ребе к Франции было особым, о чем свидетельствует знаменитый эпизод, когда Ребе спел во всеуслышание слова известной молитвы на мотив «Марсельезы»... Это произошло осенью 1973 года во время войны Судного дня. Отсюда мы можем судить, сколь крепкими духовными узами Ребе и его хасиды были связаны с Францией...»

Думаю, что у ангела-покровителя Франции контраргументов на этот раз не нашлось. Указ, одобренный Свыше, о перевоплощении национального гимна в нигун святости, был теперь совершенно официально подтвержден внизу...

Свободный перевод статьи из журнала «Бейс Мошиах» - Шломо Розенер

Волчонок ИТРО

Эли Люксембург

ЭЛИ ЛЮКСЕМБУРГ
– ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ,
ЛАУРЕАТ МНОГИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ,
ЖИВЕТ В ИЗРАИЛЕ С 1972 Г.
ЕГО КНИГА «ТРЕТИЙ
ХРАМ», ВЫВЕЗЕННАЯ
НА ЗАПАД В ВИДЕ
МИКРОПЛЕНКИ, ВЫШЛА В
1974 Г. В ИЕРУСАЛИМЕ И
СРАЗУ ПРИНЕСЛА АВТОРУ
ИЗВЕСТНОСТЬ.
ВПОСЛЕДСТВИИ ВЫШЛИ
КНИГИ:
«ДЕСЯТЫЙ ГОЛОД» (1983),
«ПРОГУЛКА В РАМУ» (1988),
«ВОЛЧОНОК ИТРО» (1997).
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ЭЛИ ЛЮКСЕМБУРГА
ИЗДАВАЛИСЬ В ГРЕЦИИ,
РОССИИ, ФРАНЦИИ И США.

Е некоторых пор «Итро» стало моим прозвищем, кличкой моей. Так зовут меня наши ребята в йешиве «Диаспора», обратившиеся недавно к вере, к Торе, одним словом – раскаявшиеся.

Ребята эти один к одному: бывшие наркоманы, гиганты панка и хиппи, с серьгами в ушах и ноздрях; бывшие приверженцы индийских гуру, тибетских далай-лам, леваки-коммунисты, давшие дёру из Аргентины и Уругвая, недавние обитатели израильских тюрем, блатари, насильники, медвежатники. Есть, как вы понимаете, и косячок наших, бывших советских: непромокаемый алкаш Семка, два художника, три инженера и я, Феликс Болотный – Итро. Семка наш по сей день, чуть ли не каждый вечер выходит со шляпой на площадь Субботы и клянчит у прохожих милостыню на коньячок.

Отрастили мы бороды, пейсы и пустились в плавание по необъятному морю Торы. Молимся, чтим субботы меняемся, братцы, меняемся!

Если будете гулять по кварталу пророка Самуила или спускаться из Бухарского квартала, загляните в нашу йешиву. Не бойтесь, все эти «бывшие», как котят нынче. Только рады вам будем, авось, и вы к нам примкнете?

Сижу я обычно у окна, что выходит на футбольное поле «матнаса». С утра и до вечера. Здесь-то вы меня и найдете. Обложусь книгами и учу Писание, учу и качаюсь, пощипывая бородавку.

В зале нашем стоит густой гуд, все вразнобой бормочут, качаются в черных широкополых шляпах, а те, кто из Штатов в извозчицких галутных картузах.

Вы спросите, почему воздух у нас такой спертый? Почему не откроем окон? Да пробовали уже много раз не помогает! Уж больно вонь у нас застарелая, неистребимая это тела и души наши источают вонь прошлых грехов. И ничего тут не поделаешь: воняем, братцы, воняем.

Упорство и силу дает нам отлично всем известная фраза: «Там, где стоит раскаявшийся, даже праведник не может стоять!». А это значит, что наше внезапное прозрение так приблизило нас к Б-гу куда уж праведнику! Вы мне сразу возразите: не обольщайся, Итро! Рядом с вами праведник не устоит – уж слишком вы воняете! Спорить не стану. Воля ваша, думайте, как угодно.

Зал, где мы занимаемся, залит неоновым светом. Тысячи книг, фолиантов – Мишна, Агада, Кабала, Тания, – вся еврейская мудрость со дня сотворения мира. Возле восточной стены зала, за бархатным, расшитым золотом занавесом, стоит «арон-кодеш» – шкафчик со свитками Торы. Вы спросите: могу ли я по свиткам читать? Могу ли вести общественную молитву? Да, могу, научился!

Вообще-то мой конек египетское рабство. Тут я подкован серьезно, основательно. И еще Храм. Камни Первого Храма. В этих вопросах я дока, авторитет.

И что же ты знаешь о рабстве? Что ты знаешь такого, чего бы не знали мы?

О! Уйму вещей. Знаю, например, библейскую сплетню: знаменитый в древнем мире Валаам спал со своей ослицей. Еще могу рассказать, с чего началось наше рабство, каким образом фараон исхитрился закабалить наших гордых, независимых предков.

Однажды вышел фараон на работу, объявленную по всей стране всенародной. Вышел с народом раз, вышел два. А в третий почему-то не пришел. Но весь народ, евреев в том числе, работать заставляли. И раз от разу ожесточенней. Так наше рабство и началось. Точно как на первых коммунистических субботниках с Лениным, поднявшим бревно. А посоветовали фараону так поступить его придворные советники: Валаам, Итро и Ийов три мудреца, три волхва. Каждому из них Г-сподь впоследствии воздал по мере их дел в отношении избранного народа.

Итро, правда, вскоре раскаялся, отрекся от язычества, поверил в Б-га единого. Дочь его, Ципора, вышла замуж за Моисея. Похоронен Итро в окрестностях Тивериадского озера, среди скал, в трехэтажном дворце-усыпальнице. По сей день Итро почитаем друзьями, как Моисей евреями.

Валаам же был убит в войне с Моавом. Это он посоветовал фараону бросать в Нил еврейских младенцев. Он же был нанят царем моавитян, Балаком, проклясть сынов Израиля. А после, когда это не состоялось, совращать мужчин и воинов наших базарными блудницами. Это вы знаете, это известно каждому! А вот Ийов... Про Ийова даже такой образованный человек, как Илья Эренбург, не знал. Помню, читал я однажды Илью Эренбурга. Он рассуждал философски: что это за Б-г у евреев? Поспорил с сатаной, а жертвой несчастной у них человек вышел? Но если бы грамотный еврей Эренбург не поленился, зашел бы в нашу йешиву, я бы про Ийова ему такое порассказал, вмиг бы отказался от своего подзащитного. Ибо все воздается у Г-спода. Был этот Ийов ни вашим, ни нашим, когда состоял в «еврейском комитете» при фараоне, поэтому лишился всего, что нажил, семьи, богатства, почестей, и гнил заживо. Сам сатана воевал против него, обратившись то бурей, то зверем хищным, то кочевниками воинственными.

«А что Храм?» – не терпится вам спросить.

Храм-то? О, из-за Храма я и попал в йешиву. Только давайте условимся, все по порядку!

Когда Соломон решил приступить к строительству Храма, попросил он фараона прислать ему мастеров и зодчих. А фараон приходился ему тестем. Созвал фараон магов, кудесников, астрологов и сказал: «Укажите мне мастеров и строителей, которым судьбою назначено умереть в этом году. Их-то и пошлем к иудеям!». Мудрецы, как полагаются, все исполнили. Когда же мастера явились в Иерусалим, то Соломон, мудрейший из мудрых, наделенный Б-жественной прозорливостью, сразу

все понял. Он дал каждому из мастеров по савану и отправил назад с письмом: «Папочка, дорогой, если у тебя нет саванов, то получай их вместе с твоими мертвецами».

Храм, как известно, строился сорок лет. Никто на его работах не умер, не заболел, не надорвался. За сорок лет у рабочих не сломались ни заступ, ни топор, ни лопата. Зато возмущались на небе: почему породнился царь с заклятым врагом Израиля: взял в жены дочь фараона? И, поскольку за все воздается, слетел к морю архангел Гавриил, опустил в море тростинку и извлек сушу. На месте этом был основан впоследствии город Рим.

Проклятый Рим, скажете вы. Проклятая империя! Разрушили нам государство, рассеяли нас по миру. По сей день все никак не соберемся!

Все это так, все это верно. Но мы-то живы, а их давно и в помине нет! Столько империй, столько народов исчезли с лица земли! А мы, евреи, полны свежих сил, готовы начать все сначала. Ибо Израиль небесный существует вечно, и мы с ним связаны неразсторжимо.

Кабала говорит, что корни всего земного на небе. Если что-нибудь исчезает там, то исчезает и здесь.

Израиль небесный никогда не был разрушен. Где бы мы ни жили, где бы ни встретили смерть, наши души всегда возвращались на родину небесную. Поэтому каждый еврей за эти две тысячи лет, родившись на земле, чувствовал себя так, как будто только сейчас ушел в изгнание. В этом и заключается тайна.

Теперь подошло время рассказать о себе. Мастер спорта по боксу, бывший чемпион Средней Азии и Казахстана, выпускник физкультурного института, и вдруг йешиботник Итро, с бородой и пейсами?

Больше всех возмущается Жанка, моя жена:

Выходила, говорит, замуж за одного человека, а живу с другим! Сей пункт, под названием «йешива», я что-то никак не припомню в нашем брачном контракте!

Еще ни один еврей, каким бы гениальным и выдающимся он ни был, приехав в Израиль, не завывал его сразу. Как это бывает, скажем, в Париже или Нью-Йорке.

Ошалелость и потрясение вот, пожалуй, первые впечатления, которые остаются на долгие годы.

Никогда не забуду свои первые часы и дни в Израиле, что творилось у меня в душе. Голубой нежный рассвет, на одинокой пальме щебечет ранняя птица, все мое семейство валяется на траве: Сонечка, Жанка, я с сумками, чемоданами. А рядом, в двух шагах, плещется Средиземное море. Солдатский дом отдыха ульпан «Нифеш хаялим» мы только что выгрузились.

Как постичь это чудо? Еще вчера мы были в Мокве, закованной в гололедицу, прятались от пурги. Непостижимо! Неужели вырвались из когтей сатаны? Смотрю на наши сваленные под пальмой пальто, шарфы, шапки-ушанки. Г-споди, да мы же в Израиле! В памяти всплывают слова пророка: «И будет, когда вернетесь, как зачарованные, как во сне!».

Там, наверху, шумел город. А здесь раскинулись виноградники, банановые плантации, апельсиновые рощи. Прелестные домики под черепичными крышами. Стриженные, изумрудные полянки, брызгалки на цветочных клумбах. Пахло морем и водорослями.

Впервые в жизни я никуда не спешил, никуда не рвался. Великий покой поселился во мне. Я был, наконец, там, где хотел жить всегда, жить просторно и вечно.

Подумать только, кому я раньше завидовал? Русскому пьянице, последнему забулдыге!

...Однажды шли по Петербургу известный еврейский богач Высоцкий и жандарм. И видят спит в канаве пьяница. «Какой позор, безобразия! Возмущился еврей Высоцкий. Уберите его немедленно!». А жандарм ухмыльнулся и отвечает с ехидцей: «Никак не могу, досточтимый Калонимос-Вольф! Русский человек отдыхает, никто не смеет его потревожить!».

Так и я ощущал себя, наконец, в «родной канаве». Отныне я никому ничего не должен доказывать. Мне не обязательно быть умным, интеллигентным, мужественным, слабым, остроумным, уступчивым. Ни бедным, и ни богатым. Словом, я мог быть самим собой, каким создал меня Г-сподь. И что важнее всего каждая капля пота, что упадет с лица моего, упадет в мою землю и принесет пользу моей земле! Даже труп мой этой земле! Отныне я мог лежать, где угодно, ходить, куда угодно. Я становился гражданином первого сорта, и это предстояло еще понять, осмыслить, поверить в это по-настоящему.

По утрам, облачившись в спортивный костюм и кеды, задолго до завтрака, до начала занятий, я убежал в парк или на пляж для поддержания формы. В парке стояли ряды гигантских колонн с гранитными капителями, был замшелый, старинный колодец с ветхими колесами-черпаками. В траве валялись обломки статуй.

По соседству с Газой, здесь, на земле, где жили древние филистимляне, эти руины вполне могли оказаться остатками капища Дагона, разрушенного, по преданию, Самсоном, моим предком. Божество филистимское, мерзость и чудище Дагон. Кругом была Библия, живая Библия; я трогал ее руками, дышал ее воздухом!

Стоя между колоннами, словно жалкий пигмей, я пытался представить себе Самсона: какой же это

был силач, если мог свалить эти колонны! «Погибни душа моя вместе с филистимлянами!». Как спортсмен и атлет, я пытался представить, какой силой обладал он, унесший ворота Газы, просто так, ради шутки, воевавший с целой вражеской армией обыкновенной ослиной челюстью и эту армию уложивший.

Потом подбегал к обрыву и любовался морем. Далеко на рейде стояли танкеры, рыбацьи сейнеры тянули ночные сети, шныряли сторожевые катерки, оснащенные пушками и ракетами. И все это было мое, имело самое прямое ко мне отношение. Меня так и распирало от гордости и сопричастности.

Я сбегал с обрыва на пляж, тянувшийся бесконечно, пустынный пляж, где ночевали влюбленные. Повторял на бегу вчерашний урок иврита: ахат, штаим, шалош, арба, хамеш... простую считалку; сбивался, путался и улыбался.

Однажды мне неожиданно повезло: я увидел парня, бежавшего, как я, по пляжу, он умело выбрасывал кулаки, явно упражняясь в «бою с тенью».

Давно мечтая о спарринг-партнере, истосковавшись по настоящему боксу, я, как умел, объяснил ему, что живу на горочке, рядом, что тоже боксер, хочу «повозиться» малость в перчатках. Он согласился, пошел со мной. Это был парнишка-араб, учившийся в Египте, в Каирском университете.

Тогда, в ульпане, на зеленой поляночке, и состоялся мой первый «международный матч», длившийся не более минуты.

Не подумайте, ради Б-га, что я парнишку нокаутировал. Вовсе нет. Он оказался из новичков, делить с ним было нечего. Да и он быстро понял, с кем имеет дело. Ушел в глухую защиту и перестал выбрасывать руки. Тогда я снял перчатки, принес тренерские лапы и стал обучать его приемам, которые в Каире, видать, не успели ему показать.

Была весна, начало апреля, и купаться в море было опасно. Жильцы ульпана выходили позагорать. А я купался, не обращая внимания на сплошные черные флаги. Никогда я возле моря не жил, но технику плавания в бурю постиг быстро. Весь фокус заключался в том, чтобы навстречу волне набрать в легкие побольше воздуха и уйти под воду. С водоворотами не бороться, не впадать в панику, а дать воде тащить себя рано или поздно она все равно тебя выбросит. В конце концов, я был не просто боксер, не просто спортсмен, а выпускник физкультурного института, обученный принаравливаться к любой среде, к любой стихии. Управлять своим телом в любом пространстве.

Глядя, как легко, играючи я справляюсь с волнами, поперся в воду и наш сосед по ульпану хилый, косоглазый инженер из Житомира. Волна его тут же накрыла и понесла. Его долго не было видно. Потом он возник, завизжал и снова исчез. На пляже кричали, метались, жена его билась в истерику. По институтскому курсу плавания я хорошо

помнил: пытаюсь спасти кого-то, можешь утонуть и сам. Сначала дай человеку нахлебаться, а лучше пусть потеряет сознание. А уж потом тащи за волосы обмякшее тело. Но ни в коем случае вцепившегося в тебя мертвой хваткой безумца.

Я дал инженеру полностью отключиться, а после выволок из воды.

И сразу стал героем ульпана...

Но очень быстро слава моя померкла, стала скандальной, ибо ввязался я вот в какую историю.

В соседнем с нами ульпане объявили голодную забастовку: грузинский семейный клан отказался брать предложенную им квартиру. По их убеждению, в квартире было на пару метров меньше, чем им полагалось.

Бастовать они бастовали, голодовку объявили, а жрать приходили к нам, и это мне не понравилось.

Нашел я кусок картона, начертил на нем злыми, жирными буквами: «Эти приехали грабить!» и прибил к здоровенному дрыну.

Всякий раз, когда клан появлялся в столовой, я подсаживался с этим дрынком-плакатом к их столу, ожидая нападения и готовый к бою.

Не обращая на меня ровно никакого внимания, они спокойно ели, а вот по-настоящему голодать начал я. Так прошла неделя. «Клан» по-прежнему не обращал на меня внимания.

«Может, они по-русски читать не умеют?» - усомнился я.

Несколько раз ко мне подходил директор ульпана, осведомлялся, что написано на картоне и почему я не ем? Я отвечал, что это наши дела, сами во всем разберемся. Мои голодные муки продолжались.

Ульпан наш раскололся на два лагеря. Первые а их было большинство кричали, что я предатель, жулик и подхалим. Стараюсь выслужиться перед начальством, заработать дополнительные льготы. Вторые же одобряли, но тайком: «Наш первый сионистский подвиг!». Боялись, уж слишком свирепо выглядели мужики грузинского клана, запросто могли и прирезать.

К концу недели я превратился в доходягу. Отлупить меня мог и младенец. Дрын свой я с трудом удерживал в руках. И клан стал действовать. Сначала мне бросили в лицо кусок курятины. Удара я не почувствовал и свалился на пол. Очнулся на руках у жены, погребенный в объедках, в банановой и апельсиновой кожуре, посреди огромной супной лужи. Но больше грузины не приходили, и мне казалось, что я победил.

Вскоре я получил письмо из Министерства просвещения и отправился к Шоши, ведавшей вопросами трудоустройства. На берегу, над обрывом, упираясь в небо, стоял одинокий маяк, служивший некогда англичанам, лет тридцать назад, сторожевой башней. Здесь и располагалась конторка Шоши. Она письмо мне перевела.

Израильское Министерство просвещения от всей души поздравляло меня и всю мою семью с приездом на родину, желая нам мира, здоровья и удачной абсорбции. Далее сообщалось, что в связи с отрядным для Израиля фактом прибытием в страну огромного числа учителей физкультуры, тренеров и просто действующих спортсменов в Иерусалиме организованы курсы, месячный семинар. Мне предстоят зачеты по языку, истории сионизма, спортивной терминологии, и тогда я получу полное право влиться в спортивную жизнь Израиля. Они уверены, что на этом поприще я внесу свой неограниченный вклад.

Это был разговор по делу. Я воспрял духом, возликовал. Собрал быстренько шмотки, все, что положено, и в тот же день отчалил в Иерусалим.

Автобус летел в столицу, петляя в скалистых Иудейских горах. Мелькали за окном поля, кибуцы, поселки. Я пытался представить себе, кого встречу на семинаре, и строил грандиозные планы.

Помню, как, находясь еще там, в России, я все поражался: откуда столько евреев в спорте? Почему не стало мое поколение скорняками, портными, сапожниками, как наши отцы и предки? А стали мастерами спорта, чемпионами, прекрасными тренерами? Людьми, сильными духом и телом. Будто знали, что будем в Израиле, что именно этот человеческий материал здесь нужен.

Антисемиты дружно нас зажимали, засуживали, нагло лишали чемпионских званий. Евреев не ставили судьями на решающих поединках, не допускали на руководящие в спорте посты. И все-таки мы пробивались! Да что говорить, в одной только сборной Узбекистана было четыре еврея! А «средневес» Йоська Сливак и «мухач» Вовчик Боднер каждый год выходили в финал Союза, были бойцами первой величины, мирового класса. Судьи же, как правило, делали им в финале «козу» и оставляли без золотых медалей.

А сколько евреев-профессоров, авторов блестящих учебников, по которым мы обучались, преподавало в институтах физкультуры? А спортивные журналисты, фотокорреспонденты, целые коллективы врачей в спортивно-медицинских центрах, диспансерах?

«И все они здесь, думал я, захлебываясь от восторга. Поднимем наш спорт до мирового уровня, укрепим армию, в ней будут служить солдаты-супермены!».

Так я мечтал, глядя в окно, а впереди, высоко в небе, как фантастическое видение вырастал Иерусалим.

«Вот где мы, все мое поколение, дали клятву встретиться в небесном Иерусалиме! Задолго до своего рождения...».

Продолжение следует

Учитель Ребе

рабби Йосеф-Ицхак Шнеерсон (из журнала «а-Томим»)

ОТ РЕДАКЦИИ: Еще со времен рабби Исрозля Баал-Шем-Това появились противники хасидизма, которые первым делом подметили внешние его отличия и поднялись против нового течения в иудаизме. Противников хасидизма (миснагдим) пугало в новом течении буквально все: его методы, его бурное пространство, а также излишняя восторженность его сторонников. Слишком свежи еще были в памяти лжемессианские движения Шабтая Цви и Якова Франка. И ученые раввины того поколения предположили, что хасидизм — такая же крамольная секта, распространение которой может стать опасным для иудаизма.

Прошло время, и Всевышний открыл глаза многим противникам «секты», в том числе и самым ярким гонителям хасидов. Они прекратили свои нападки, а некоторые из них даже примкнули к лагерю своих бывших «врагов».

Удивительно, но эта «война миров» стала своего рода плавильным котлом, из которого на свет появлялись чистые души. Обладателям таких душ приходилось нелегко в это трудное для российского еврейства время. Их жизнь — отдельная глава в истории хасидизма.

Мы начнем эту главу с рассказа о рабби Шмуэль-Бецалеле (РАШБАЦе). В период с 1884 по 1900 г.г. этот человек — по просьбе Пятого Любавичского Ребе Шолом-Довбера Шнеерсона — был учителем его единственного сына, рабби Йосеф-Ицхака (будущего Шестого Любавичского Ребе), а с 1900 г. и до конца жизни занимал позицию духовного наставника иешивы «Томхей Тмимим» в Любавичах. «Мой отец однажды сказал мне, — вспоминает рабби Йосеф-Ицхак в своих записках, — «Твой учитель — гений. Он способен пробудить в любом ученике жизненность Б-жественного служения, которая не угаснет уже никогда...»

ОТЧИМ

Рабби Шмуэль-Бецалель родился в Свенцянах, Виленской губернии. Его отец ребе Шолом-Шабтай-Шефтель все свое время проводил в доме учения. Дом держался на его жене, матери Рашбаца. Она вела хозяйство, и она же зарабатывала на жизнь. Отец был богобоязненным человеком и происходил из очень прославленной семьи. И хотя он принадлежал к лагерю миснагдим, он строго следовал запрету Торы на злоязычие и никогда не говорил ничего плохого о «секте». Он покинул этот мир, когда ему еще не было пятидесяти, и Шмуэль-Бецалель остался сиротой.

Вскоре мать снова вышла замуж. Ее второй муж перед свадьбой настоял на одном условии касательно своего будущего пасынка: Шмуэль-Бецалель должен приходиться домой только, чтобы поесть, а все остальное время проводить в доме учения и там же спать.

Прошло некоторое время, и отчим понял, что Шмуэль-Бецалель — не из тех подростков, которые доставляют неприятности. У него был мягкий и спокойный характер и учился он с большим старанием. Поэтому он стал относиться к своему пасынку более доброжелательно и даже отменил прежнее условие, позволив юноше спать дома. Отчим также нашел для Шмуэль-Бецалеля подходящего компаньона по учебе. Так прошло четыре года.

К пятнадцати годам Шмуэль-Бецалель уже хорошо знал Талмуд и комментарии Тосафот. Он усер-

дно учился, проводя почти все свое время в доме учения. Ведущие ученые Торы из среды миснагдим облизались с ним, и в частности — раввин Гирш, тогдашний раввин Свенцяна. Раввин Гирш установил время и ежедневно изучал с одаренным юношей Талмуд.

СТОЛКНОВЕНИЕ

В Свенцянах в то время проживало около тридцати хасидов Алтер Ребе. В один из летних дней, между молитвами «Минха» и «Маарив» Шмуэль-Бецалелю случилось проходить мимо их синагоги. Он увидел группу евреев, которые сидели и изучали небольшую книжку. При этом у каждого была собственная копия. Шмуэль-Бецалель почувствовал сильное желание побыть здесь некоторое время и послушать, о чем идет речь.

Юноша подошел к одному из сидящих, посмотрел в его книжку и прислушался к беседе. Как только он это сделал, один из группы заметил постороннего, который к тому же был из «стана врагов», и закричал: «А ты что здесь делаешь?!..» И юноше пришлось поспешно ретироваться.

После этого случая Шмуэль-Бецалель долго не мог успокоиться. Хотя он сам принадлежал к миснагдим, но в своем сердце с уважением относился к хасидам. Он знал некоторых из них. Они были большими знатоками Торы и богобоязненными людьми и подвергались постоянным преследованиям своих противников. И, тем не менее, гонения нисколько не

тяготили этих людей. Наоборот, казалось, что сила их крепнет с каждым днем. Отсюда Шмуэль-Бецалель пришел к заключению, что хасиды достойны уважения и почтения. И вот сейчас эти люди чуть ли не прогнали его!..

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Шмуэль-Бецалеля тянуло к хасидам из-за двух замечательных качеств, которые он раскрыл в них. Первым была исключительная скромность. Хасиды общались друг с другом на равных. Никто из них даже не пытался претендовать на роль лидера, и в отношениях между ними всегда царили согласие и мир. Вторым качеством было абсолютное единение с Творцом. Хасиды полностью посвящали себя Всевышнему и Его Торе, даже занимаясь мирскими делами. Например, ребе Ицхак-портной во время работы постоянно повторял слова Торы, а те, кто занимался торговлей, даже на ярмарке постоянно обсуждали вопросы Торы. Все это чрезвычайно впечатляло юношу.

С другой стороны, он знал о различных недостатках своих братьев-миснагдим. И главным из этих недостатков было то, что каждый из них пытался показать свое превосходство над другими. Внешне они относились друг к другу с почтением, но в душе каждый из них считал себя более выдающимся, более ученым, чем его остальные товарищи.

Шмуэль-Бецалель припомнил даже несколько случаев, когда его учитель, раввин Гирш, демонстрировал свою высокомерность. Однажды, исследуя отрывок из трактата «Бава Кама», раввин Гирш отверг комментарий Раши, претендуя на то, что его собственное толкование данного вопроса гораздо лучше. Он часто отпускал фразы такого рода: «Раши не понял этой темы» или «У Тосафот здесь ошибка».

Размышляя над всем этим, Шмуэль-Бецалель решил провести исследование: он отыщет в хасидах все, что в них есть хорошего и нехорошего, и так же поступит по отношению к своим товарищам, а уж после этого решит, по какой дороге ему идти дальше. В глубине сердца он стремился примкнуть к хасидам, но смертельно боялся, что этот путь может оказаться ложным.

МОЛИТВА

Свое исследование Шмуэль-Бецалель решил начать с молитвы хасидов, так как слышал о том, что именно молитва была главным видом их Б-жественного служения.

Несколько дней спустя он пришел к синагоге хасидов и стал наблюдать за их молитвой. Сам он с ними молиться не решился и поэтому стоял на улице, надеясь все услышать, благо окно было открыто.

Юноша стоял здесь больше часа и слушал горячие слова молитвы, произносимые в полный голос и сопровождаемые слезами. Эмоции переполняли его сердце. Не удержавшись, Шмуэль-Бецалель вошел все же в синагогу и услышал, как хазан произносит стих: «От Тебя, Б-г, и величие, и могущество!..» При этом голос хазана дрожал от волнения, а слова прерывались плачем.

Хасиды молились, отрешившись от всего земного, пребывая в полном единении с Всевышним. В глубине души Шмуэль-Бецалель осознавал, что их путь — верный путь, и что их молитва принимается Всевышним. Эмоциональный пик наступил во время благословений, предшествующих молитве «Шма». Шмуэль-Бецалель, однако, не мог оставаться здесь до конца молитвы, потому что боялся, что его учитель и его отчим узнают о его визите.

РАВВИН ГИРШ

С того самого дня юноша полностью изменился. Он стал больше внимания уделять молитве и смыслу ее слов. Его сейчас весьма печалил тот факт, что некоторые из уважаемых членов местной еврейской общины, которые считались людьми учеными и богобоязненными, приходили в синагогу уже после начала молитвы и сразу начинали молиться с того места, до которого дошли хазан и община. Все это так отличалось от глубокой сосредоточенности, которую он наблюдал среди хасидов! Кроме того, многие его товарищи не произносили слова молитвы вслух. Словом, Шмуэль-Бецалель решил проверить своих собратьев на искренность, чтобы иметь точное представление, что они из себя представляют.

Главным объектом исследования он избрал своего учителя, раввина Гирша, который никогда не упускал возможности похвалиться собственными достоинствами и достижениями в изучении Торы. Он полагал, что способен найти

все, что нужно, в оригинальном тексте Талмуда, и говорил, что может «переплыть реку Рамбама одним гребком», а Пискей а-Рош и Тосафот именовал как «два своих глаза». Он часто говорил о самом себе: «Вавилонский Талмуд и Тосафот для меня — раввина Гирша — как подушка под голову, а Иерусалимский Талмуд, Сифре и Рамбам — подушки по бокам. Ведь недаром я вот уже тридцать лет (слава Б-гу), по восемнадцать часов в день с великим усердием изучаю Тору!..»

Раввин Гирш старался закончить свою молитву как можно быстрее. Она никогда не занимала у него больше получаса даже в праздники. Закончив молиться, он не скрывал своего облегчения, словно с плеч была сброшена тяжелая ноша.

Продолжение следует

СОЛО

Для души дирижера

МОРДЕХАЙ СТЕЙНМАН

В этот жаркий летний вечер собравшиеся в гостиной профессора Блоха люди не обращали внимания на жару. Они ждали. Профессор Блох пообещал им, как он сам выразился, “встречу с моим замечательным старым другом”, Леонардом Бернштейном.

В те дни, - а дело было в конце 60-х, - достаточно было только произнести это имя, и у любого знатока классической музыки замирало сердце. Популярность и слава Леонарда Бернштейна неудержимо росли. Он уже написал к тому времени “Вестсайдскую историю”, провел 939 концертов (больше, чем любой другой дирижер за всю историю классической музыки), являлся автором более 36 мировых премьер и был главным дирижером Нью-Йоркского Филармонического Оркестра.

Но не все из собравшихся в этот вечер в гостиной профессора Блоха ждали знаменитого гостя с таким замиранием сердца. Двое молодых людей, одетые, несмотря на жару, в черные костюмы и черные шляпы, понимали чувства собравшихся, но их больше беспокоила другая мысль: если еще через 15 минут этот “замечательный старый друг” не появится, зайдет солнце, и они упустят возможность исполнить заповедь тфиллин с еще одним евреем.

Звали молодых людей Шмуэль Шприцер и Хаим Джейкобс. Каждому из них к тому времени только-только исполнилось 20. Они были студентами любавичской йешивы и посланниками так называемого “Еврейского Корпуса Мира”. Этот Корпус был учрежден в 1950 г. Любавичским Ребе Менахем-Менделом Шнеерсоном и занимался тем, что отправлял посланников, по двое, в каждый штат нести свет Торы и заповедей американским евре-

ям, большинство из которых в погоне за счастьем почти полностью растворились в свободном американском обществе. Так Шмуэль Шприцер и Хаим Джейкобс оказались на другом побережье Соединенных Штатов Америки, за много тысяч километров от Нью-Йорка, от “770” и от Ребе, в Портланде (шт. Орегон), в доме профессора Блоха, музыковеда и композитора, который не так давно открыл для себя новый мир – мир подлинной еврейской музыки, мир хасидских нигуним. Познакомившись с молодыми людьми, профессор, очарованный их рассказами о хасидских фарбрэнгенах, попросил их провести нечто подобное у себя дома для своих еврейских коллег. Разумеется, профессор не мог не пригласить на это мероприятие своего друга – знаменитого Леонарда Бернштейна.

Летом в Орегоне солнце садится поздно. Около восьми часов вечера молодые люди предложили мужчинам надеть тфиллин. Никто не отказал. Трудно, однако, было не заметить, как все собравшиеся то и дело поглядывали на дверь.

“Если бы мы находились в “Севен Севенти”, - вспоминал потом Шмуэль Шприцер, - я был бы уверен, что все ждут, когда войдет Ребе...”

В тот самый момент, когда Шмуэль Шприцер закончил объяснять гостям, как важно для еврея каждый будний день исполнять заповедь тфиллин, послышались шаги. В гостиной наступила полная тишина. Профессор поспешил к двери, и в дом вошел высокий, красивый человек.

“Я посмотрел на часы, - рассказывал Шмуэль Шприцер, - и увидел, что до захода солнца осталось не так уж много времени. Сидевшие в гости-

ной мужчины уже согласились надеть тфиллин, поэтому все свои мысли я сосредоточил на том, как уговорить исполнить эту заповедь только что вошедшего гостя...”

...“Шалом, - протянул Шмуэль вошедшему руку, - меня зовут Шмуэль Шприцер. Это мой друг – Хаим Джейкобс. А вы?...” Шмуэль сделал паузу. Новый гость слегка улыбнулся: “Леонард Бернштейн”. “Очень приятно, господин Бернштейн, - ответил Шмуэль. - Мы бы хотели, чтобы вы сейчас исполнили заповедь тфиллин. Дело в том, что до захода солнца осталось не так уж много времени. Я вам помогу”. “Вы бы хотели?... - удивленно посмотрел Леонард Бернштейн на нахального молодого человека. - Но хоч ли я?!”

“...Тогда я сказал самому себе, - рассказывал Шмуэль, - что если еврей отказывается исполнить эту заповедь, надо сделать все возможное, чтобы он ее исполнил. Для этого, в первую очередь, нужно выяснить, какие у него в жизни интересы, и действовать согласно обстоятельствам”.

...Шмуэль вежливо поинтересовался, чем занимается господин Бернштейн. “Руководжу оркестром, - ответил тот, - и заодно пишу музыку. Вам что-нибудь говорит это слово?...” Шмуэль, не обратив внимания на колкость, ответил, что он очень любит музыку и даже поет сам. “Поющий хасид? - удивленно вскинул брови Бернштейн. - Это любопытно. Может быть, споете что-нибудь?” “Я не пою соло, - ответил Шмуэль и повернулся к профессору Блоху. - Прошу прощения, господин профессор, вас не затруднит поставить одну из принесенных мною записей?...” Профессор с радостью согласился. Шмуэль, просмотрев записи, выбрал нигун «Шамиль»...

“...Три недели мы с Хаимом находились в Портланде, - рассказывал Шмуэль Шприцер. - Мы не только беседовали с людьми, но также занимались распространением еврейских книг и прочих материалов, связанных с еврейской историей и культурой. Я всегда носил с собой записи своих любимых хасидских мелодий. Этими мелодиями я, собственно, и очаровал профессора Блоха...”

...Почему я выбрал именно нигун «Шамиль»?.. Еще мальчиком я слышал историю о том, как записывали эту мелодию. Музыкант, исполняющий

партию скрипки, не был евреем. В те дни в Америке было не так уж много хороших еврейских музыкантов. Так вот, когда он играл эту мелодию, с ним стало происходить что-то удивительное. Он поблдевел, на лбу выступили крупные капли пота. Пот заливал ему брови, лицо, даже руки. Глаза его были закрыты. Похоже, он никогда в жизни не играл так, как играл сейчас. Как мне рассказывали, он потом признался, что, играя эту мелодию, чувствовал ее необычайную силу и мощь... Вот, я и решил: если уж нееврей настолько глубоко проникся этой музыкой, что тогда говорить о еврее, тем более – музыканте!..”

...Пока Шмуэль Шприцер перебирал записи, Леонард Бернштейн беседовал с остальными гостями. “Вы знаете, - задумчиво произнес он, - будучи евреем, я ношу в своей душе очень много музыки”. “Еврейской?” - спросил кто-то. “И еврейской тоже, - ответил Бернштейн. - У меня глубокие корни. И все они разные. Могу лишь надеяться, что из всего этого сложится что-то такое, что можно будет назвать универсальным...”

“И все же, - помолчав несколько секунд, вздохнул Бернштейн, - хорошо было бы услышать, как кто-нибудь когда-нибудь начнет насвистывать что-то мое, только мое, хотя бы один раз...” “Что ж, господин Бернштейн, - заметил Шмуэль Шприцер, - вы пришли как раз вовремя”. “Почему вы так думаете, рабби?” “Потому что каждый ваш вздох слышен на небесах, - ответил Шмуэль, - каждый вздох. Так когда-то сто лет назад на небесах были услышаны вздохи и стоны Шамиля”. Бернштейн наморщил лоб: “Шамиль... Шамиль... Кто это?” “Вы сейчас это услышите, - улыбнулся Шмуэль, - думаю, у вас с ним много общего”. “Он дирижер?” - спросил Бернштейн. “В какой-то степени”, - ответил Шмуэль, жестом попросил тишины, и в гостиной негромко зазвучала скрипка...

...Много лет тому назад, с 1817 по 1864 г.г., в дни правления царей Александра I, Николая I и Александра II русские войска развязали жестокую войну против Чечни и Дагестана. Борьбой кавказских горцев руководил Шамиль. Летом 1859 г. русские войска окружили аул Гуниб, где заперся Шамиль и четыреста верных ему людей, пригрозили немедленным штурмом, и тот вынужден был сдаться. Шамиля отправили в Петербург, а оттуда – в ссылку, в Калугу. Вдали от родины, вдали от своего на-

рода Шамилю только и оставалось, что размышлять о былой свободе и оплакивать свое изгнание. Одна лишь мысль утешала его: когда-нибудь он обязательно вырвется отсюда, вернется к своему народу и снова обретет славу и величие...

...В 5178 (1958) г., во время праздника Симхас-Тора, Любавичский Ребе Менахем-Мендел Шнерсон запел нигун. Мелодия была трогательной и красивой. Закончив петь, Ребе рассказал историю о Шамиле и объяснил, что мысли о былом величии, стремлении к свободе и надежда на скорое освобождение из тюрьмы, - все это отражает концепцию нисхождения души в наш физический мир. Спелый Ребе нигун получил название "Шамиль"...

"...Я никогда еще не видел, чтобы так слушали музыку, - рассказывал Шмуэль Шприцер. - Бернштейн слился с мелодией в единое целое. Он жил ею. Казалось, что он превратился в этот миг в Шамиля. Он почти плакал..."

Когда мелодия закончилась, Бернштейн открыл глаза и произнес: "Я влюблен в эту мелодию! Я влюблен в эту мелодию!.." Он немного помолчал и затем снова заговорил: "Я чувствую, что неразрывно с ней связан. Я чувствую, но не могу это объяснить!.." "Я помогу вам объяснить, - сказал Шмуэль, - но для начала давайте все-таки закончим с тфиллин." "Подождите, - остановил его Бернштейн. - Я хочу знать одну вещь. У вас столько записей. Почему вы выбрали именно эту?" Шмуэль Шприцер пожал плечами и ответил: "Почему? Потому что я люблю ее. И я подумал, что вы тоже должны ее послушать". "Вы чувствуете музыку, - сказал Бернштейн. - Если вы пообещаете мне, что будете заниматься музыкой, я надену ваши тфиллин!.." "Согласен!" - улыбнулся Шмуэль...

...И в этот летний вечер 1969 года в доме профессора Блоха музыкант, дирижер, композитор с мировым именем Леонард Бернштейн в присутствии притихших поклонников впервые в своей жизни надел тфиллин.

"...Да, я согласился, - рассказывал Шмуэль, - но я ни в коем случае не обманывал. Ведь каждый хасид считает музыку частью своей жизни. Весело ему или грустно, он всегда поет!..."

...Зашло солнце. Во время фарбренгена Шмуэль Шприцер и Хаим Джейкобс рассказывали о Б-ге, о Торе, о заповедях. Леонард Бернштейн внимательно слушал, задавал вопросы, иногда спорил. Как продолжение затронутой темы, Шмуэль Шприцер подробно объяснил Леонарду Бернштейну глубокое значение услышанной им сегодня мелодии.

...Пребывая у Престола Славы, объяснял он, душа, святая и чистая по своей сути, ничего общего не имеет с грубой материальностью земного мира. Но такова воля Творца: душа, которая является "частицей Самого Б-га Свыше", вынуждена спуститься в этот мир, в физическое тело. И хотя здесь душу окружают все соблазны и радости зем-

ного мира, которые были ей прежде недоступны, все же она чувствует себя в изгнании - вдали от своего источника, вдали от Всевышнего. Ради чего все это? Ради исполнения Б-жественной миссии, с которой душа обязана справиться, а именно: очистить и возвысить физическое тело, побуждая его исполнять Тору и заповеди и наполнять мир Б-жественным светом. Когда душа справляется с порученным заданием, все временные боли и страдания, которые неизбежны в процессе спуска души, и которыми наполнена ее жизнь в этом мире, не только оправдывают себя, но и блекнут в сравнении с великой наградой и вечным блаженством, которых душа удостоивается в Мире Грядущем...

...Прошло около часа. Леонард Бернштейн, извинившись, сказал, что должен идти. Прежде, чем покинуть дом профессора Блоха, дирижер повернулся к Шмуэлю Шприцеру. "Рабби, - сказал он, - я хотел бы встретиться с вами еще раз. Когда вернетесь в Нью-Йорк, обязательно приезжайте на Радио Сити". Шмуэль Шприцер поблагодарил Бернштейна за приглашение и пообещал приехать, хотя понятия не имел, что это за Радио Сити, и где оно в Нью-Йорке находится...

Шмуэлю Шприцеру больше не довелось встретиться с Леонардом Бернштейном.

Вернувшись через несколько недель в Нью-Йорк, он, конечно же, принялся разыскивать Радио Сити. Вскоре он узнал, что Радио Сити находится в Манхэттене, и чтобы туда попасть, нужно купить билет. И в тот вечер, когда Шмуэль решил ехать, он узнал, что на Радио Сити не попадет. Билет на концерт Леонарда Бернштейна стоил двадцать долларов. В те дни таких денег у студента йешивы не было и быть не могло...

Прошли годы. Однажды Леонард Бернштейн приехал в Бостон. Получилось так, что ему снова предложили надеть тфиллин. Сейчас это сделал любавичский раввин, который тоже по каким-то делам находился в Бостоне. На этот раз Бернштейн не спорил. Раввин, помогая ему надевать тфиллин, улыбнулся и спросил: "Должно быть, впервые для вас, а?" "Нет, - печально вздохнув, ответил дирижер, - не впервые. Я уже делал это один раз, в Портланде..." Голос его дрогнул, и он повторил: "В Портланде... Один человек тогда помог мне найти мою мелодию..." "Что вы имеете в виду?" - спросил раввин. "Это было десять лет назад, - ответил Бернштейн, - в доме моего самого близкого друга. Вы называете это фарбренген. Тогда я впервые услышал песню Шамиля". Раввин удивленно посмотрел на Бернштейна: "Нигун 'Шамиль?..' " "Вы называете это фарбренген, - продолжал Леонард Бернштейн, - я называю это иначе. Но это не важно. Тогда, рабби, я впервые в жизни надел эти тфиллин... Хотите знать, почему я это сделал?.." Леонард Бернштейн помолчал несколько секунд и произнес: "В тот вечер я впервые в жизни услышал зов из глубин времен. Я услышал Шамиля. Я услышал себя. Я услышал собственную душу!..."

(отрывок, некогда запрещенный древнегреческой цензурой)

...Муза, воспой же о том
Многоопытному муже, который
Грекам устроил такое,
Но, слава Б-гу,
Ушел в мир иной незапятнанным,
Чистым и светлым.
Муж многохрабрый, святой
И конечно же бескомпромиссный
Ударил изменника дланью своею
Простертой, огромной, могучей.
Грохнулся тот на землю сырую В
беспамятстве полном.
Мужа ж того называли
В селеньи друзья Матитьяу.
Пять сыновей он имел,
Пять орлов, пять красавцев,
Бойцов несказанных.
Если, бывало, они разойдутся,
Врагам не покажется мало.
Вот и сейчас,
Повинуясь отцовскому слову,
Не смея ослушаться папу,
Напали они на отряд
Древнегреческих воинов храбрых.
Да и к тому ж
(Да простят меня ихние боги)
Замыслил глупец безголовый
Своих алтарей понастроить
В святых иудейских селениях,
Чтобы
Местные жители кланялись
Мерзости этой и жертвы
Четоб приносили похабству,
Которое греки своим божеством
Называли упрямо.
И вот прибывает отряд
Древнегреческих воинов храбрых
В местечко с названием Модииин
(От глаз посторонних горами
И скалами дикими скрыто).
Воины как на подбор -
Все в кольчугах да в латах,
С мечами
(Кольчуги... Какие кольчуги?
Пожалуй, загнул я.
Кольчуги - другая эпоха).
Короче, пришли они в место,
Где их совершенно не ждали
И где не скучали по встрече,
И стали глумиться,
Алтарь свой поганый воздвигнув
На площади, значит, центральной.
Какой-то еврей поддался
Искушенью злодеев, ведь много
Денег за это они обещали,
Должность большую и с нею -
Оклад пенсионный.

Вышел вперед и уж было хотел
Совершить этот гнусный обычай,
Но, слава Б-гу,
Ушел в мир иной незапятнанным,
Чистым и светлым.
Муж многохрабрый, святой
И конечно же бескомпромиссный
Ударил изменника дланью своею
Простертой, огромной, могучей.
Грохнулся тот на землю сырую В
беспамятстве полном.
Мужа ж того называли
В селеньи друзья Матитьяу.
Пять сыновей он имел,
Пять орлов, пять красавцев,
Бойцов несказанных.
Если, бывало, они разойдутся,
Врагам не покажется мало.
Вот и сейчас,
Повинуясь отцовскому слову,
Не смея ослушаться папу,
Напали они на отряд
Древнегреческих воинов храбрых.
Полновесных навешали
Воинам тем оплеух,
Поразбили носы им до крови,
Латы забрали, мечи,
Сандалеты, щиты и кольчуги
(Опять я забыл...
Ведь кольчуги - другая эпоха!
Ну ладно...)
Жертвами ихними
Их же самих накормили
Насильно, а также
Заставили съесть весь алтарь,
Что воздвигли они,
До последнего камня.
После чего, понимая,
Что царь Антиох Эпифан,
Автократ, партократ и тиран
Прежестокий
Век не простит им
Ему нанесенной обиды и этих,
Ну как их, забыл... унижений!..
С папою вместе бежали
В скалистые горы, к ущельям,
В пещеры.
Там они стали всю
Обучаться военному делу
И самбо, на случай
Если к врагам без оружия
Выйти придется
(Ведь всякое в жизни бывает).
И началось -
Партизанские вылазки

Ночью безлунной,
Убитые греки, сирийцы.
Царь Антиох Эпифан
Недоволен был
Ходом текущим событий.
Армию он снарядил
Против горстки евреев отважных,
Пять полководцев своих
Самых лучших на дело на это
Отправил:
Апполоний, Серон, Никанор,
Горгиас, Птолемей
И конечно же Лиссий.
Армию так снарядил,
Что солдат из-под брони,
Ну, просто не видно глазами.
Также тяжелою техникой
Всех обеспечил -
Слонами, короче
(Ведь не было танков в то время).
У иудеев тем временем
Стал командиром Йеуда,
Сын Матитьяу отважный
И верящий в Б-га Святого.
Прозвище ж дали Маккаби ему
По различным
Духовным причинам,
Хоть в баскетбол
Не умел он играть, не учился
И не собирался.
Греки надеялись быстро
Управиться с жалкою кучкой
Нахальных повстанцев, и это
Было ошибкою с их стороны,
Но ведь греки и в Африке - греки.
Пяти полководцам,
Считавшимся армии цветом
И гордостью царско-народной
Йеуда с друзьями рога посшибал
Со сверкающих золотом шлемов.
Расправились быстро,
Слонам хобота завязали
узлами морскими, двойными,
А сами
Греки бежали позорно,
Оружие в спешке оставив
И раненых, обувь и флаги.
Тот же, кто был
Олимпийским призером
По их марафонскому бегу,
Мчался уж без остановки,
До самого дома,
До самых Афин знаменитых...

Г. ОМЕР

В МИРЕ ЛЬВОВ

Одно из пророчеств эры Мошиаха гласит: «И волк будет жить рядом с ягненок, и леопард будет лежать с козленком; и телец, и молодой лев, и вол будут вместе...» (Йешаяу, 11:6) Помимо множества комментариев, раскрывающих нам тайный смысл этого стиха, имеет полное право на существование и простой его смысл, буквальный. На первый взгляд кажется, что описанное произойдет еще не скоро, в «конце дней». Но наш Ребе объясняет, что уже сейчас происходят многие вещи, которые характерны для новой эпохи. И в этом нет ничего удивительного - мир не стоит на месте, мир ждет Мошиаха...

Перед нами – случай совершенно беспрецедентный. В среде маститых экологов он вызвал бурю недоумения, и объяснение ему до сих пор еще не придумано.

Львица, проживающая в Национальном природном парке Кении Самбуру (Samburu) взяла на поруки молодого сернобыка – небольшую антилопу, которая обычно служит добычей львов.

Произошло это зимой 2002 года. Взрослая львица «познакомилась» с жеребенком пару недель назад, после того, как мать сернобыка, испуганная присутствием хищника, пустилась наутек.

И вместо того, чтобы разодрать на куски беззащитное создание, львица стала защищать антилопу, охраняя ее от нападения других хищников, в том числе и леопарда. Часто можно было видеть, как антилопа лежала рядом с львицей.

Этот необычный союз продержался две недели. К несчастью, природа взяла свое, и пока львица, утомленная обязанностями няньки, спала, молодого сернобыка загрыз самец-лев, оказавшийся неподалеку. Сотрудник Самбуру Патрик Муриунги рассказывал, что львица, пребывая в неопишуемой ярости, несколько раз рычала на самца.

Вскоре, однако, ей снова выпал случай стать приемной матерью. Через пару месяцев она взяла под опеку еще одного детеныша антилопы. Некоторое время они были вместе, но, по-видимому, детенышу не хватало пищи, и его из-за сильного похудения забрали в зоопарк служащие заповедника. Львица, однако, оказалась на редкость неугомонной и упорной и вскоре взяла на воспитание еще одну антилопу.

Симон Лейрана, главный егерь в Национальном парке Самбуру, просто не знает, что и думать. «Ее видели с жеребенком антилопы, по крайней мере, три раза. Что с ней делать, мы не знаем», - говорит он. По словам Лейраны, сотрудники парка, возможно, предоставят антилопу и львицу самим себе и посмотрят, что получится.

А рядом с этой парочкой ходят три взрослые антилопы. Одна из них, судя по всему, мать детеныша. В прошлом львица несколько раз подпускала рогатую родительницу к жеребенку – покормить. Похоже, она просто не хочет очередного быстрого прощания...

А вот что произошло спустя два года в еще одном кенийском заповеднике Халлер Парк, вскоре после цунами в Индийском океане.

Когда гигантские волны ударили по побережью Кении, гиппопотам по кличке Оуэн находился вместе со своим стадом в океане, рядом с устьем реки Сабаки. Оуэн на тот момент был слишком мал, чтобы спастись от волн вместе с сородичами. И оказался в ловушке, в коралловых рифах.

Но животному повезло: на следующий день жители ближайшей деревни вытащили его с помощью рыболовных сетей. Наверное, это была нелегкая работа, ведь Оуэн уже тогда весил около 300 килограммов. Поначалу его хотели пристроить к другим гиппопотамам, но делать этого было нельзя. Самый старый самец почувствовал бы угрозу и просто-напросто убил Оуэна. Поэтому было принято решение вывезти Оуэна за 80 километров, доставить в заповедник Халлер Парк — заботливо восстановленную экосистему, служащую приютом для различных представителей дикой природы.

Гиппопотамов в заповеднике, разумеется, не было, но Оуэн очень быстро и к всеобщему недоумению нашел себе друга — 130-летнюю гигантскую черепаха Мзи.

Черепаха же, кстати сказать, по размеру на треть превышавшая молодого гиппопотаму, на первых порах обзаводиться другом вовсе не хотела и просто игнорировала Оуэна, так же, как и других черепах, обезьян, антилоп и прочую живность. Но Оуэн упорствовал. И вот однажды служители заповедника обнаружили гиппопотаму спящим рядом с Мзи. Впоследствии этот снимок облетел полосы многих газет по всему миру.

Через год отношения между гиппопотамом и черепахой развились и укрепились настолько, что они стали, как говорят, «не разлей вода». Теперь Мзи и Оуэн будят друг друга, когда пора принимать пищу, часами валяются вместе в водоеме и спят рядом. В заповеднике утверждают, что Оуэн даже ведет себя в большей степени, как черепаха. Он ест ту же, что и Мзи, пищу и не обращает внимания на любимые лакомства гиппопотамов. Он спит ночью, а не в течение дня, как это делают его дикие сородичи...

И, наконец, прошлогодний, совершенно небывалый и необъяснимый с точки зрения логики случай. Место действия – Япония.

В октябре 2005 года, когда полтораметровый японский полоз по кличке Аочан отказался есть замороженных мышей, работники токийского зоопарка Муцугоро Ооку дали ему на пробу самку карликового хомяка.

Известно, что полозы, хоть и не являются ядовитыми змеями, в пищу все же предпочитают мелких грызунов.

Потенциальной жертве работники зоопарка, не гнушающиеся «черным» юмором, дали прозвище Гохан, что по-японски значит «еда». У полоза, однако, оказались свои расчеты. Вопреки всем природным инстинктам он решил подружиться с хомяком. С тех пор животные живут вместе в одной клетке.

«Я никогда не видел ничего подобного. Гохан иногда даже забирется на Аочана, чтобы вздремнуть у него на спине», - говорит смотритель зоопарка, Казуя Ямамото.

Справедливости ради следует заметить, что 2-летний полоз, в конце концов, полюбил мороженых мышей, однако до сих пор не проявлял никакого пищевого интереса к Гохану.